

НЕ ТОТ МУЖ

Звения Мэйз

Звения
МЭЙЗ

Не тот
МУЖ

Евгения Мэйз

Не тот муж

«Литнет»

2021

Мэйз Е.

Не тот муж / Е. Мэйз — «Литнет», 2021

ПЕЧАТНАЯ КНИГА ВБ и ОЗОН Я поклялась себе, что выйду за него замуж еще в детстве. Я грезил им долгие годы, мечтала о том, чтобы он заметил меня и добилась своего. На моем пальце блестит обручальное кольцо, в ушах еще звучит и заставляет сердце биться чаще предложение «выходи за меня замуж»;. – Девушка, а вы уже замужем! - прерывает мой восторг работник ЗАГСа. - Вы забыли об этом? Забыла? Нет! Я в шоке и не понимаю, как это могло случиться. Но намерена исправить все. Вот только у этого мужа другие планы. эта книга есть и в печатном виде на озон или вб Продолжение книги # «Не тот муж. Возвращение»# (Не) по любви²# Мама в отместку# Мой ребенок Тигра

© Мэйз Е., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

Глава 1

Я улыбаюсь, дочитывая последние строчки книги. Как жаль, что Рафаэль Сабатини не увлекся модой и не написал огромную серию книг о горячо любимом капитане Бладе. Я бы, будь он нашим современником, подписалась на него и ждала-ждала-ждала новой истории, бесконечно счастливая тем обстоятельством, что он пишет и будет продолжать делать это, радуя историями о невероятном капитане, Арабелле, Неде Волверстоне и Питте.

– Ида! К тебе! – послышался с коридора голос отца. – Здравствуй, Лиза!

– Здравсьте, дядь Паш! – здоровается подружка, а потом интересуется. – А вы чего такой хмурый?

– Проснулся только что, – отвечает привычно хмурый отец. – На смену собираюсь.

– Это вам мама передала вместе с приветом, – продолжает Лиза, шурша пакетом. – А Ида дома?

– Где же ей еще быть? Спасибо.

Я вздыхаю, поспешно поднимаясь с дивана и прохожу к полке. Папа проснулся и как обычно недоволен. Сейчас причина его «не настроения» в сонливости, а потом... Он будет просто недоволен тем, как мы живем.

– Привет, Ид! – здоровается лучшая подруга, приземляясь с разбегу на мягкий диван.

– Ты все читаешь?

В мебели не осталось ни одной живой пружины, потому она даже не скрипит от такого варварского отношения.

– Привет! – говорю я, поспешно убирая книгу на полку.

Насмешки Лизки давно не задевают меня. Мы дружим с ней уже тысячу лет и она знает о моей любви к этому писателю.

– Что опять капитан Блад?

– Снова, – поправляю я, притворно хмуро.

– Таких как он не бывает, понимаешь? – говорит Лизка, подхватывая недавно сшитую мной подушку. – Смотрела новости?

– Да.

– Пираты остались только возле берегов Сомали, и они мерзкие! – продолжает подружка, теперь заставляя хмуриться по-настоящему. – Ни один не похож на твоего обожаемого Блада.

В этом она права. Интернет подтверждает ее слова на все сто процентов. Ни одного красивого пирата ни в прошлом, ни в настоящем.

– Все сплошь, как один самые настоящие обезьяны!

– А ты читала и знаешь какой он? – любопытствую я, вытаскивая из шкафа издавшую лучшие времена толстовку.

Лето в этом году не задалось – холодное и ветренное.

– Конечно! – с жаром отвечает подруга. – Мы же подруги, и я должна знать, что за мужики тебя привлекают.

Я понимаю, о чем она, но молчу, собираясь в библиотеку и слушая стенания Лизы. У них через полчаса будет технический перерыв. Директриса уйдет, и Маргарита Михайловна разрешит посидеть мне в интернете. Никакого «серфинга» у меня не намечается. Я планирую заниматься разговорным английским, а завтра наступит черед испанского. И так все лето, и весь год пока не наступит пора вступительных экзаменов.

– А ты куда собираешься? – любопытствует Лизка, приближаясь к старенькому комоду.

На коричневой потертой столешнице расположены мои девчачьи богатства – косметика, доставшаяся от мамы и подаренные ею же первые духи, старенькая шкатулка с заколками,

альбом с рисунками, карандаши в органайзере и тетрадка с набросками собственных историй. Как же давно я ничего не писала – стало некогда. Подготовка к экзаменам в суперпрестижный ВУЗ съедает все мое время. Одна отрада – старые, списанные с полок библиотеки книги.

– Ты знаешь куда, – отвечаю я, решая, что надеть.

Джинсы или леггинсы со звездами?

– В библиотеку заниматься.

Одежды у меня не так много, но она качественная. Мама заботилась об этом. Втихаря от папы покупала в более-менее хороших магазинах, игнорируя его слова, что нужно экономить и закупать в магазине «Всё по 50 рублей». Там все что не купи разваливается через месяц.

– Ид, мама говорит, что это блажь и ты только время теряешь, – говорит Лиза, открывая уже пустой флакончик с духами. – Ты никогда не поступишь в МГИМО, даже если твой папа продаст почку.

Я шикаю на Лизу и одними губами прошу подругу говорить тише. Мне только не хватало, чтобы папа услышал. Иначе, очередного серьезного разговора мне не избежать. Чего доброго, запрет и не пустит никуда. Он грозит пока, но я-то знаю, что он может. Он отчего-то против поступления в престижное заведение. А почему именно не говорит. Только орет, что мне не место среди мажоров.

– Я поступлю!

– Где ты видела женщин-дипломатов? – спрашивает Лиза тем же шепотом. – Посмотри в Википедии – ни одной!

– Я поступлю и буду работать при консульстве или при дипломатическом корпусе, – сержусь я и тут же сбавляю тон. – Ясно?

У Лизки мечты попроще. Она будет поступать в МИСИС, как ее папа и мама. У нее и склад ума такой – математический. У ее папы там и друг работает. Он обещал помочь с поступлением.

– Посмотрим!

– Посмотрим! – отвечаю я в том же духе.

Но подруга не просто так отговаривает меня. Я понимаю ее отчасти. Мне бы тоже хотелось учиться с ней вместе и не расставаться никогда. Но только я гуманитарий и математику тяну на одной лишь упертости, а не из-за таланта или предрасположенности. Мозгами я пошла в маму, но никак не в старшего инженера папу.

– Ты не пойдешь ни в какую библиотеку, – внезапно говорит притихшая Лизка. – А знаешь почему?

– Пой... Почему?

Кажется, что она специально дождалась момента, когда я буду при полном параде «ботанички» и преподнесла эту новость.

– В город приехал сама-знаешь-кто и ты сейчас мигом передумаешь надевать свою уродливую толстовку.

В другой раз я бы непременно обиделась бы на такую оценку моей одежды, но не сейчас. Мое сердце радостно подпрыгнуло, опустилось на место и забило как бешеное.

– Костя? – спрашиваю я шепотом и тут же вскрикиваю, потому что подруга не отвечает. – Костя? Да? Да?! Что ты молчишь?!

– Да, – улыбается подружка, поправляя новенький топик. – Твой ненаглядный Краснов.

– Где ты видела его? – спрашиваю я, а сама бросаюсь к шкафу, распахивая его платяную часть. – Почему он не позвонил мне?!

– В соседнем дворе, – отвечает жутко довольная подружка, хихикая над моими метаниями у гардеробной. – Не бери этот сарафан – он детский!

Я соглашаюсь с ней. Совсем немного платьев в моем гардеробе, но из большей их части я выросла. А те, что остались... В таких только на утренники ходить. Да дипломы за участие в олимпиадах получать. Как вспомню тот позор! Стыдно!

– Может, потому что у тебя телефон не работает? Я пыталась тебе дозвониться, позвать погулять и ничего не вышло.

– Да?

Я не верю подруге, бросаюсь в прихожую, чтобы проверить аппарат.

О, да! В нашем доме много допотопных вещей, а все, потому что мы живем всем самым необходимым. Я не ропщу! Я все знаю и понимаю. Но телефон? Раз мы не можем позволить себе смартфоны и даже простенькие трубки-«раскладушки», то зачем отключать этот?

Трубка молчит, отказываясь выдавать протяженные гудки и летит на рычажки.

– Пап! – кричу я в сторону кухни. – У нас телефон не работает!

– Должен! – бурчит отец и судя по голосу с бутербродом во рту.

Однако, аппарат не работает вовсе не из-за неуплаты. Кто-то взял и срезал кабель.

– Наверняка, электрики, – шепчу я, вспомнив, что соседи накануне меняли счетчики. – Задели.

– Не страшно, – отвечает папа. – Я о своих сменах знаю наперед.

– Ты знаешь, а я?! – не выдерживаю я. – Мне ведь звонили!

Что он все о себе, да о себе! А я? Совсем не считаюсь?!

– Так ведь у тебя каникулы!

– Папа мне семнадцать! – шепчу я, осознавая, что Лиза все равно все услышит. – У меня есть друзья и знакомые!

Папе ничего не страшно и беды мои ему кажутся глупыми, а мне Костя звонил. Он всегда так делает – стоит приехать в наш Зеленоанск. Мы договариваемся о занятиях и даже гуляем несколько дней, прежде чем о его приезде узнают все и переманивают его у меня.

– Ну как? – спрашиваю я, покрутившись возле зеркала.

– Джинсовку накинь, тогда норм, – комментирует подруга, подходя ко мне.

Сама знаю, что не очень, но слова-приободрения мне не помешают. Косте никогда не было важно, как я одета. Что радовало меня. Нашу семью нельзя назвать богатой и даже среднего достатка.

Я заставила улыбнуться своему отражению в зеркале.

Куда больше меня расстраивало другое – он не смотрел на меня, как на девушку. На «свою» девчонку, партнера для спаррингов, соседку по двору – да, но только заинтересованные взгляды он бросал на других. Я улыбалась и делала вид, что мы друзья, но сама жутко хотела понравиться ему.

Пока у меня ничего не выходило.

Ведь я отличалась от рано оформившихся девчонок. У них уже выросло все, что должно было вырасти и округлились все нужные места. А я так и продолжала быть худой, как спичка, с острыми коленками. До недавнего времени так выглядела и Лиза, но этой зимой все стало меняться, и она стала ловить заинтересованные взгляды парней. Мне же только и оставалось утешаться ростом, длинными ногами и гриве светлых волос. Но последнее было таким себе утешением. Я чувствовала себя невзрачной, как мышь.

– Цыпленок, – выдала я сокрушительно, посмотрев на свои угловатые коленки. – Самый настоящий цыпленок.

– Моя мама говорит, что ты красивая, – говорит Лизка, подводя блеском губы. – Как твоя мама!

Все родители так говорят. Зоя Васильевна знает меня с детства. Мы ведь с Лизкой с садика дружим, а потому и относится ко мне, как к дочери. Особенно это стало ощущаться

после смерти мамы. Она то накормит меня лишний раз, то поинтересуется моими делами в школе, то проведет какую-нибудь поучительную беседу.

– Мама у меня была красавицей, а я ее бледная тень, – отвечаю я, отворачиваясь от отражающей поверхности. – Но приятно!

Я улыбаюсь, напоминая себе о том, что надо радоваться тому, что Костя дружит вне зависимости от своей популярности и от того какой у меня размер груди.

– Пошли к моему пирату?

Подруга хмыкает сравнению.

– А как же библиотека, а Карамзина? – спрашивает Лизка, просовывая ноги в балетки.

– Подготовка к экзаменам?

– Заткнись, – говорю я, стоит нам выйти в подъезд. – Это же Костя!

Я почти что бегу и едва не теряю балетки. Я останавливаюсь на мгновение и прошу себя не торопиться. Я ведь уже не маленькая, чтобы бежать к нему со всех ног и терять сандалики. Такого не было никогда с Костей, но было с другим мальчиком, с которым я дружила в детском саду. Его, кстати, звали Коля. У меня какая-то зависимость от буквы К.

– А вдруг он не звонил? – спрашиваю я, завидев компанию ребят издали. – А я как дура бегу к нему!

– Не дрейф! Он же всегда так делает?! – успокаивает меня не отстающая Лизка. – Просто он позвонил, и никто не взял трубку.

Всегда. Вот только я как жутко неуверенный в своей красоте (не уме!) человек сомневаюсь в том, что этот невероятно популярный и симпатичный, а еще умный и эрудированный парень может всерьез общаться со мной.

– Тогда он понял, что всё без толку.

Но вновь напоминая себе, что дружба – это тоже серьезно. Не может быть, чтобы ему было интересно проводить время со мной только из-за фехтования. Хотя он всегда так вежлив. Ни одну девчонку словом не обидел. Каждой уделит внимание, улыбнется и поинтересуется чем-то. Вот и Лизка чувствует себя увереннее после общения с ним. Но ведь с ними он не встречается по утрам, чтобы пофехтовать на палках?

– Опять думаешь об этом? – спрашивает Лиза, угадывая мои мысли. – Что не нравишься ему?

– Это так заметно? – спрашиваю я, останавливаясь и делая размеренный вдох. – Не без этого.

– Да, ты становишься мрачная в такие моменты.

Лиза корчит рожи, показывая, как именно я выгляжу. Сначала я цокаю на нее, а потом улыбаюсь и даже смеюсь, дергая подбородком в сторону компании неподалеку.

– Пойдем! – говорю я, стараясь добавить в свой голос силу и оптимизм. – Они уже заметили нас!

– Никакие мы не ботанички, мы нормальные и целеустремленные девчонки, – говорит Лизка, поравнявшись со мной. – Правда, Ида?

Нормальные. Только на уме у нас учеба, а не гулянки. Вместо того, чтобы слоняться по городу в компании ребят, да пить пиво на детских площадках, как это делают другие мы сидим за учебниками допоздна и бежим на «допы» в соседнюю школу. Все, чтобы не огорчать родителей и поступить после школы ни куда-нибудь, а туда куда хочется. Чтобы потом работать по профессии, а не менеджерами по продажам или страховщиками, которые оббивают двери наших квартир и подъездов.

– Чего надо, малявки? – спрашивает Вика, окинув нас быстрым взглядом. – Песочница в другой стороне.

– Ха-ха-ха! Остро! Сочно! – смеется Катька, оценив шутку подружки. – Куличики и формочки во дворе за углом.

Костя оборачивается к нам. Лизка краснеет, а вместе с ней и я. Но я держусь и заставляю держать руки в карманах, а не тянуть футболку вниз, стараясь прикрыть что-то. Эта расфуфыренная кукла совсем обнаглела! Думает, если нарядилась подделками с «AliExpress», то всё – королева мира!

– Мы, между прочим, с тобой в одном классе учимся, – отвечаю я старательно спокойным голосом, а потом смотрю на Костю. – Привет!

– Правда? – тянет издевательски Вика. – Раньше я тебя не замечала.

Но я уже не слушаю ее. Если размалеванная Катька еще поворачивается к своей тонированной по всем правилам подруге, то Костя смотрит на меня и улыбается теплой улыбкой. Глядя на него и улыбаясь в ответ, я перестаю думать обо всем плохом. Лето вновь превратилось в лето.

– Привет, Ида!

– Привет, – говорю я, а у самой теплеет на душе. – Не знала, что ты приехал.

– Я звонил.

Костя дергает плечом, а я смотрю на него и в очередной раз задаюсь вопросом: как можно быть таким красивым? Кажется, сама природа помогает ему в этом, взлохмачивая волосы ветром и демонстрируя его то с одной, то с другой привлекательной стороны. Тени скачут в его голубых глазах, в которых застыло выражение улыбки.

– У нас телефон отрезали.

– А на смартфоны у вас денег нет?

Костя бросает взгляд на все никак не успокаивающуюся Вику и говорит ей короткое «перестань!» Этого достаточно, чтобы вредная девчонка замолкла и перестала лезть в наш разговор.

– Час назад снялся с поезда, провел время с родными и сразу к тебе.

Я приподнимаю брови, не понимая, что ему помешало дойти до меня. Объяснение сердит, потому что не выглядит правдоподобным.

Я знаю расписание наших электричек и по всему выходит, что он в городе уже несколько часов как.

– Зацепился с девчонками, – объясняет он, смяв губы. – Узнал, чем живет наш милый город.

Меня смущает то, как он смотрит на меня – как будто знает о чем я думаю сейчас. Он всегда такой – взрослый, умный и проницательный.

– Мы ждем парней и едем на реку! – перебивает так и не успокоившаяся Вика. – Правда, Кость?

– Правда, – он переводит взгляд с меня на Лизу и обратно. – Хотите с нами?

Вика и Катя против нашей компании. Это стало понятно с самой первой секунды нашего нахождения у турника.

– Найдется местечко, но только одно, – говорит Вика в ответ на его вопросительный взгляд. – Лиз, хочешь с нами?

Я перевожу взгляд на Лизу. Подруга растерялась, не ожидая, что ее втянут в эту беседу. Но куда больше оторопела я, услышав:

– Ид, ты ведь не возражаешь?

Я еще как против. Так против, что к глазам и к горлу подступили слезы. Я совсем не ожидала предательства подруги. Они сейчас уедут и оставят меня одну. Не с кем будет поболтать о произошедшем и...

– Нет. Езжай конечно же.

– Тогда до завтра? – говорит Костя, перетягивая внимание на себя. – На нашем месте?

Я киваю и продолжаю движение дальше, хотя мне даже не нужно в ту сторону. Библиотека в другой стороне, как и моя комната, как и находящиеся в ней конспекты.

– Не знала, что ты знаком с ней! – тянет Вика, продолжая делать вид, что мы не знакомы с ней. – Она ведь мелкая!

– Да она бегают за Костей! Правда, Лиз?!

Вечная подвывала Катька портит всю Викину легенду. Я же иду, стараясь не прибавить шагу, когда как на самом деле хочется побежать и ни куда-нибудь, а домой, зарыться в подушку и зареветь.

– Они дружат, и никто ни за кем не бегают.

Я продолжаю идти, стараясь не прислушиваться к тому, что творится позади.

– Отстаньте, – отвечает Костя, смеясь при этом. – Мы с ней друзья.

– А с нами?

– И с вами, – соглашается Костя.

Это последнее, что я слышу, отпрыгнув от невесты откуда появившейся и круто взявшей «пятерки».

– Смотри куда прешь, мелкая! – кричит Артем, оглядев меня с головы до ног.

Пока я такая – тощая и немодная я всегда буду для них такой.

– Ты чего такая хмурая, а Ида? – спрашивает меня Маргарита Михайловна, проведя ладонью по волосам.

Я даже не заметила, как дошла до библиотеки, как свернула и нашла другой путь до обители знаний, минуя двор с кинувшей меня подружкой.

– Ничего, – говорю я, а сама готова разрыдаться. – Просто!..

– А вот по голосу совсем не просто, – отвечает Маргарита Михайловна мягким голосом. – Что случилось-то?

Я качаю головой, но слезы не желают расходиться, и я просто смотрю в лицо женщины, надеясь, что хоть так она поймет все. Но так не бывает. Людям нужны слова, чтобы они не придумали невесте что.

– Тебя обидел кто?

– Лизка с девчонками уехала и оставила меня одну, – выдыхаю я с прорвавшимися рыданиями.

– Фу ты! – отмирает Маргарита Михайловна. – Я думала, что что-то серьезное.

– Это серьезное, – говорю я, а сама стараюсь не разозлиться. – Мы дружим вместе с детского сада, а они ей никто!

Со взрослыми всегда так – проблемы детей не кажутся им требующими пристального внимания. А зря! Почему им так трудно понять, что наша жизнь — это параллельная реальность? Их прошлое, которое они пережили и наше настоящее-будущее одновременно?

– Она предала меня, понимаете?

– Может она пошла в разведку? – спрашивает женщина, протягивая мне платок для скатившихся слезинок. – Узнает, что и как, да почему, а потом расскажет тебе?

Я фыркаю. Да все знают, что там и как. Там даже шашлыков нет. Дешевые сосиски, пиво и жареный хлеб.

Глава 2

Глава 2

Я не ожидала предательства Лизки, но как казалось все худшее было впереди, а именно на следующий день после случившегося, когда я пришла на пустырь за закрывшимся кирпичным заводом.

– Привет, Ида! – здоровается Костя, поворачиваясь ко мне и улыбаясь во все свои тридцать два идеальных зуба.

Поступок подруги отошел на второй план, ведь я предвкушала, как проведу время в компании Кости – интересно, весело и вприпрыжку через многочисленные препятствия. На заброшенной территории отгрузочной площадки хлама всегда хватало, но не тут-то было!

– Привет, – отвечаю я, со стремительно покидающим меня энтузиазмом. – А они что тут делают?

Под «они» я имею в виду всю ту же Катьку, Вику и еще пятерых человек разместившихся по периметру. Две стервы в неполных шесть утра уже при полной боевой раскраске – макияж, завитые локоны и лица такие, как будто они не спали, а готовились всю ночь! С ним заспанные пацаны и одну Богу известно, что заставило их подняться в такую рань.

– Не знаю.

– Не знаешь? – переспрашиваю я, удивившись этому ответу.

Он ведь вместе с ним тусуется. Как это не знает?

– Это же не секрет? – спрашивает Костя, проводя рукой по помятому лицу. – Но, если ты думаешь, что это я им сказал, то ты ошибаешься.

Он подходит ко мне. Я ожидаю, что он вздернет мой нос. Но Костя делает это с опозданием. Сначала он смотрит на мои сиськи. Отчего я краснею. Там должна быть грудь, а не два невразумительных бугорка. Мне приятно и неприятно это внимание одновременно. С одной стороны славно, что он решил посмотреть на меня, как на девочку, а с другой стороны плохо, что он ее во мне так и не увидел.

– А кто сказал? – спрашиваю я неуверенно, глядя на него снизу-вверх.

Он жмет плечами, а я оглядываю всех присутствующих и понимаю, что не вижу Елизавету. Предательница решила не приходить и не смотреть мне в глаза. Стыдно ей, наверное.

– Может ты боишься, что я сделаю тебя? – спрашивает парень, сдергивая с прутика остатки листвы. – Потому против свидетелей нашей тренировки?

Хорошая шутка. Он еще не выигрывал никогда. В каждый свой проигрыш бурчал о том, что надо больше тренироваться, но видимо быстро забывал об этом, когда возвращался в личную жизнь.

– Еще чего! – отвечаю я, улыбаясь. – Не в этой жизни!

Но как бы ни была я смела на словах окружение из злобных гарпий пугает меня. Они не подначивают, а проходятся по моей внешности с ног до головы. Я не испугалась насмешек из-за того, что фехтую, но сдрейфила, когда дело коснулось внешности.

– Давай уродина! – кричат знакомым голосом, но я стараюсь не смотреть в ту сторону и быть выше этих малолетних кретинов. – Это твой единственный шанс показать, что ты чего-то стоишь!

По мне проносится такой мощный озноб и чувство ярости, что я готова броситься на Катьку и надавать ей своей веточкой по лицу. Ненавижу быть подростком! Ненавижу юношеские прыщи! Ненавижу, что приходится терпеть и выслушивать дельные советы взрослых, которые работают, но отчего-то через раз.

– Давай же, Ида! – восклицает веселящийся Костя. – Не думай про них!

Легко ему говорить! Они же не его обсуждают и не над ним смеются. Не он посадил их в лужу накануне и не на нем они будут отрываться в школе.

– Никого нет! – кричит парень с горящими глазами, наступая на меня вновь и вновь. – Никого!

Его прутик то касается меня, то проходится по рукам, то колет в бок, то в бедро, то в ягодицу. Зрители ржут над этим, а я все никак не могу успокоиться и вспомнить обо всем чему учил покойный Яков Степанович.

«Голова должна быть холодной, Ида! – говорил он, глядя на мои первые броски в его сторону. – Никаких эмоций!»

Руководитель секции по фехтованию так и не доучил меня. Потренировал полгода, а потом скончался. Он был стар, а еще очень болен и, может быть, не взялся за мое обучение, если бы не попросившая его мама. Не папа. Он по неизвестной мне причине каждую ее идею воспринимал в штыки.

– Шухер! – заголосили пацаны. – Шухер-шухер-шухер!

Я не поняла, что случилось, но неожиданно крики вокруг смолкли, но я не успела обрадоваться, как и привести себя в состояние «внутреннее умиротворение». Мне обожгло щеку, а Костю приподняло в воздух. Виной тому была не магия, конечно же. А некто кто взял моего партнера за шиворот и рывкнул на него так, что заложило уши.

– Может попробуешь со мной?!

– Отпусти, с***!

Высокий мужчина встряхнул Костю еще раз, а потом отшвырнул его в сторону. Это впечатлило. Как и то, что Краснов ругнулся матом. Но если оставить это (уверена он выдал это из-за потрясения) Костя никогда не был щупленьким. Он с первого дня приезда в город отличался атлетичным телосложением. Что говорить про сейчас, когда он поступил в ВУЗ и принялся ходить в качалку.

– У нас спарринг! – крикнул «мой пират» где-то позади. – Я не сделал ничего такого!

– Спарринг?! Да на ней места живого нет!

Не видя Костю, я смотрела на великана, который застил собой все. Слава богу, кстати говоря! Мне совершенно не слышались в голосе друга трусливые нотки, и я ни в коем случае не хотела увидеть его таким. Это кто-то другой! А Костя Краснов не боится ничего!

– Ты как? – спросили у меня. – Сильно болит?

Я успела сжаться от предвкушения чего-то, хотя было абсолютно ясно что он не сделает мне нечего.

Иначе, зачем нужно было заступаться?

А потом и удивиться произошедшей метаморфозе – пылающий негодованием и, кажется, испускающий молнии титан стал обыкновенным человеком. Голос его и тот стал другим – мягким, но не с прошедшими рокошными интонациями.

– Все нормально, – прохрипела я и утерла щеку, тут же посмотрев на свою ладонь. – Он правду сказал.

Кожа была влажной. Но только не в слезах, как показалось мне с испугу, а в крови. В крови!

– Спарринг? – уголок мужчины дернулся в сторону. – Ну-ну!

Вместо того, чтобы отойти он наклонился ко мне, поставил на ноги и оглядев меня критичным взором, снял пиджак и накинул его мне на плечи.

– Все правда хорошо, – проямлила я, схватившись за плотную ткань, чтобы она не соскользнула с меня.

Только после этого незнакомец поднял меня на руки, словно я не весила ничего.

– Отпустите меня! – потребовала я тут же, испугавшись неожиданного кульбита. – Пожалуйста!

Мужчина сделал вид, что не услышал меня, вышагивая куда-то. Так же как не было никакой возможности высвободиться из его рук. Держал он крепко и все что мне оставалось так это смотреть на него или озираться по сторонам.

Я предпочла второе. Сразу же, как только поймала его взгляд, когда остановилась на его виске с пульсирующей жилкой, смутилась и перевела его на ему на шею. Голубой цвет рубашки красиво контрастировал с его загоревшей кожей, а идеально наглаженный воротник, его прямые линии, как-то подчеркивали правильные черты его лица.

– Сбежали твои зрители, не волнуйся, – проговорили у меня над головой, кажется, с насмешкой.

Он молчал, когда я смотрела на него, но подал голос, когда я перестала делать это. Как так? Вернее... Что не так?

– Я и не переживаю, – ответила я и еще раз попросила. – Отпустите меня, пожалуйста.

– Сначала приведем тебя в порядок, а потом отпустим, – ответил мужчина, продолжая нести меня куда-то. – Не иначе.

Отчего-то это рассердило меня. Со мной никогда не происходило ничего подобного. А если я просила что-то, то люди так или иначе делали требуемое. Мама, кстати говоря, смеялась и говорила, что всему виною гены. Она тоже так могла. У нее даже «суперспособность» была – вытворять подобное без слов, а одним лишь взглядом.

– Давайте вы сначала поставите меня на землю? – предложила я, растянув губы в милой улыбке. – А потом я решу стоит ли мне идти с вами!

Он как-то по-особенному посмотрел на меня, опустил глаза и задержал взгляд на нижней части моего лица, потом усмехнулся чему-то и продолжил шествие, как ни в чем не бывало.

– Современная молодежь, никакого уважения к спасителям! – только посетовал он перед собой.

Я уже раскрыла рот, чтобы сказать ему, что его никто и ни о чем не просил, но тут же закрыла его. Я ведь так часто думала-грустила о том, что как же жаль, что ушли в прошлое хорошие манеры, мужчины с благородными порывами и дамы от одной улыбки которых теряли голову кавалеры всех королевств вместе взятых. А теперь своим поведением я рискую испортить, быть может, главное воспоминание всей моей жизни.

– Вы сказали, что поможете мне привести себя в порядок, – заметила я, закутавшись в дивно пахнущий пиджак.

Автомобиль, к которому подошел мой спаситель, был под стать ему самому – такой же огромный, как его владелец. Взгляда мельком хватило, чтобы оценить его агрессивный дизайн, а потом оказаться в салоне цвета шоколада. Банальное сравнение, но другой ассоциации у меня не нашлось.

– Все именно так, но только я не врач, юная леди, – сказал он, едва удостоив меня насмешливым взглядом, и обратился к водителю. – Дэн, отвези нас в клинику, надо, чтобы врачи осмотрели ее.

Я офигела от услышанного, но куда больше удивилась тому, что кроме нас в авто был водитель. Не успела назвать себя тупицей, как поняла, что удивилась дважды, а то и трижды. Мужчина говорил по-французски.

– В этой дыре ведь есть приличные лекари? – сказал он, поморщившись, а потом обратил внимание на меня.

Я смотрела на него во все глаза. Понимаю, что выглядела как форменная дуручка. Ну подумаешь – он говорит на французском! Если бы на латыни – другое дело. Но ничего не могла поделать со своим выражением лица.

Глава 3

Глава 3

– Можно просто отвезти меня в поликлинику, – предложила я, обураваемая двойственными чувствами. – В приемный покой или в травму.

С одной стороны я все еще пребывала в шоковом состоянии, а с другой обиделась на «дыру», хотя, часто также называла городок, в котором довелось родиться.

– О, нет! Я слишком стар для стояния в очередях, – ответил неизвестный, блеснув в мою сторону светлыми глазами. – И слишком молод для общения с престарелой частью населения!

Он улыбался ими, а я вдруг смутилась его обаянию и сделала попытку слезть с его колен. Но тот сам не то почувствовав что-то, не то опомнившись, отсадил меня на просторное сидение рядом.

– Пока мы едем, может моя прекрасная амазонка расскажет мне, что ей не понравилось в моем автомобиле?

Я удивилась этому вопросу, потому что в этом человеке было прекрасно все – цвет глаз, правильные черты лица, запах одеколона, одежда и авто, в котором он перемещался. Я совсем не думала об его машине!

– С чего вы взяли что не понравилось? – спросила я, зардевшись тонкому комплименту.

– Ты поморщилась, – заметил он, не переставая скользить по мне взглядом. – Я не мог не заметить этого.

Благородный, красивый, успешный, а теперь еще и это – внимательный. Где именно заканчиваются его достоинства и начинаются недостатки?!

– Цвет салона, – поспешно ответила я, словно это могло остановить его интерес. – Я сравнила его с шоколадом, а это настолько избитое клише, что просто стыдно.

Он улыбнулся, приподняв уголки губ. Но ему было не обязательно делать это – его глаза совершенно замечательно передавали эту эмоцию.

– Любишь быть оригинальной? – продолжил спрашивать этот великолепный мужчина, словно это действительно было важно для него.

– Вы спросили меня об этом, – уточнила я с нажимом, почувствовав в его словах угрозу. – Я просто не люблю быть посредственной, хотя бы в своей голове.

Незнакомец кивнул, а еще раз взглянула на свои руки, покрытые красными линиями от прикоснувшегося к ним ивового прута. Они выглядели ужасно, но не страшно. Все пройдет через день, а то и раньше!

– Можно было назвать салон каштановым?

Я привыкла, что с мнением детей, как и с мыслями, высказанными в слух, мало считаются. А я была ребенком, которому исполнится восемнадцать только в следующем году.

– Это не каштан, – возразила я, вновь обратив внимание на обивку.

Я провела по ней пальцами и вновь обратила внимание на странного знакомого с растрепавшимися светлыми волосами.

– Что же это значит быть посредственной для тебя?

– Мыслить общепринятыми категориями, – ответила я, а сама поправила футболку, когда он остановил взгляд, где-то в середине моей груди.

А потом и вовсе запахла в чужой пиджак. У этой дурацкой ситуации должны были быть свои плюсы. Пусть даже это одежда с чужого плеча!

– Хм, – продолжил мой собеседник и спаситель в одном лице. – Тогда медвежий[1]?

Он вновь улыбнулся, но теперь не смешливо, как перед этим, а так что потеплело на душе.

– Нет, этот красивый, а медвежий – он бурый и грязный.

Это было удовольствием говорить с кем-то на языке, которому меня научила мама. Отец пока она была жива смеялся тому, что у него под боком зреет «клуб» со своим тайным языком, но сам не знал ни одного, кроме матерного или технического, уточняя, что на работе они сливаются в один. Потом же нам двоим стало не до веселья.

– Дыра перестает быть дырой с каждой новой секундой, – проговорил мужчина, кося взглядом в мою сторону. – Слышишь, Дэн?

Водитель не ответил, а я, закусив губу отвернулась.

– Фехтующие во дворах дети, говорящие на французском – это что-то запредельное для моего понимания этой страны!

Я продолжала смотреть на пробегающий знакомый пейзаж и старалась никак не реагировать на эту провокацию. Хвастаться и говорить, что я ого-го-го?! Я не собиралась. Достаточно того, что он заметил этот мой взгляд. Наверняка, с разинутым ртом!

– Мы не познакомились, – вновь подал голос «француз». – Как тебя зовут, девочка?

– Мужчины представляются первыми, – заметила я серьезно и, если честно, из чистого упрямства, а не для того, чтобы еще больше подчеркнуть свою исключительность.

Мне было беспокойно рядом с ним. В голову не лезли гадкие мысли о чем-то грязном пошлом, преступном и мерзком. Просто он рушил мой мир, оказавшись совсем другим взрослым. Он вел себя так, как я и не мечтала – он считался со мной.

Вот.

А я не знала, как вести себя с этой мечтой, потому что думала встретиться с ней через пару лет, когда стану раскрасавицей.

– Что? – переспросил он, приподняв бровь.

В глазах его голубых глазах пробежало выражение недоумения, а потом рассыпалась дюжина светлых искр улыбки. Он смеялся и делал это так, что это невольно притягивало взгляд, запрокинув голову, представив взору гладко выбритую шею и заполняя своим смехом салон автомобиля. Его смех заполнил салон, и я не смогла не улыбнуться, заразившись этим весельем.

– Извини, что-то я и в самом деле забылся, – произнес он наконец, кашлянув напоследок. – Меня зовут Николас.

Мимика его лица тоже поразила меня. Он не кривлялся. Нет-нет! Она была выразительной, а в купе с передающими эмоциями глазами просто непередаваемой.

– Артемида, – откликнулась я, но не нехотя, вытащила руку и пожала протянутую мне ладонь.

Назови он сокращенный вариант своего имени, то и я сделала также. Потому что...

– У тебя красивое имя, под стать тебе самой.

– Спасибо.

Я кивнула и даже успела отвернуться к окну, чтобы только он не увидел и не прочел в моих глазах выражение разочарования. Он лгал мне, а я не любила этого. Это он был, как бог – красив, умен, обаятелен, воспитан, а я была просто Идой, знающей кое-что.

– Что-то случилось, Артемида? Я обидел тебя?

– Приехали! – наконец подал голос шофер, избавив меня от необходимости отвечать. – Google и навигатор говорят, что это лучшая клиника этого города.

Передо мной открыли дверь, а потом сняли с сидения и поставили на землю.

– Ты дрожишь, – произнес Николас, заслоняя меня от людей. – Боишься врачей?

– Чуть-чуть, – призналась я, а потом решила была не была и надо попробовать еще раз. – Просто не представляю, как мы появимся там вместе.

Этот Николас удивлял меня, а я похоже его. Он вновь выгнул красиво очерченную русую бровь.

– Представляете, мы вместе заходим, – начала объяснять я. – Я все такая побитая и вы... Я бы, конечно, не пошла после такого, а свинтила за угол.

– Переживаешь за то, что подумают о тебе? – продолжил вопрошать он вместо того, чтобы сказать «пошли!»

– Скорее я думаю о вас, – произнесла я, а потом очень быстро добавила. – Это же пустяк и все очень быстро заживет.

Все-таки, мне повезло встретить удивительного человека, который в первую очередь думал о ком-то еще кроме себя. Папа не в счет. У него был существенный «недостаток», который мешал и ему, и мне быть непредвзятыми – он был моим родителем.

– Пойдем, благородная душа, – улыбнулся этот Николас, а потом пропустил меня перед собой. – С людскими домыслами я разберусь самостоятельно.

Я вздохнула и даже сжала зубы, заставив себя пройти в клинику в которой до этого не была ни разу. Внутри она выглядела, как офис «Apple» в Кремниевой долине. Все чистое, светлое, новое, блестит и даже переливается на падающем из окон свету. Я же чувствовала себя престранно – подобранной собакой, которую решили приютить, но перед этим привели на обязательный осмотр.

– Проходите, пожалуйста, – произнесла медсестра-администратор с исчезающей с ее лица сияющей улыбкой. – Сейчас подойдет доктор.

Я не сдержалась и хмыкнула, прекрасно понимая почему так старается девушка. Этот Николас не был просто красивым мужчиной. Одного взгляда на него или его тачку было достаточно, чтобы понять, что он еще и богат. Не каждый может позволить себе разъезжать на «хамере» и уж тем более иметь личного шофера.

– Хотите выпить чего-нибудь? – засуетилась девушка. – Чай, кофе, минеральной воды, сок?

– Мария? – вдруг позвал девушку Николас. – Вы не могли бы уделить время девочке?

Мне совсем не показалось, что в голосе этого Николаса прозвучали уже знакомые недовольные интонации. Они заставили Марию испугаться. Как жаль, что я не увидела выражение его глаз. Хотелось бы запомнить его и когда-нибудь описать в книге.

– Это она пациент, а со мной как вы могли заметить всё в полном порядке, – сказал он и улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

Я подавилась смешком, поймала взгляд Николаса и приняла выражение полной невозмутимости.

– Хорошо, – часто-часто закивала Мария, обратив внимание на меня. – Доктор Павлов сейчас подойдет, но пока давай измерим тебе температуру.

Доктор Павлов... Не зря я почувствовала себя собакой. Меня осмотрели так тщательно, словно главной моей проблемой были не царапины, а что-то еще. Я заподозрила неладное, когда меня завели в кабинет гинеколога.

– Вы с ума сошли? – возмутилась я и так громко, что кажется вызвала эхо во всем здании. – Мне надо было сделать что-то с царапинами, а не...

– Ида, мы должны сделать это!.. – начал Арсений Викторович, воровато оглянувшись по сторонам. – Ты ведь сама сказала, что он тебе не отец!

– Поэтому вы решили, что я его выгораживаю и пытаюсь свалить вину на кого-то другого?

Я рванула к двери, столкнулась в ней со смутно знакомой женщиной, поднырнула под ее рукой и выскочила в коридор, запоздало вспомнив о пиджаке. Но махнула рукой. Уверена, что у Николаса этих тряпок... Но если это не так, то ничто не мешает ему вернуться.

– Арте...

Я распахнула дверь на улицу, сделала вдох полной грудью и, оглядевшись по сторонам рванула в сторону. Внутри меня танцевал «леприкон», выдавая то обиду, то возмущение, то чувство вины, то веселый кураж.

– Куда?!

Я взбрыкнула и чуть было не взвыла от обиды, не добежав до перекрестка.

– Артемида?! Прекрати брыкаться и объясни что случилось!

– Поставьте меня на ноги! – потребовала я, прижатая к знакомой груди. – Пожалуйста.

Как только Николас сделал это. Я повернулась к нему и, отдернув футболку, сообщила:

– Я туда не вернусь!

– Что случилось?

Я вздохнула, посмотрев в сторону, а потом вновь на него.

– Как я и предупреждала – они решили, что вы сделали что-то со мной и повели в смотровой кабинет.

Не думала, что можно из одного состояния недовольства так красочно перетечь в другое. Но этот Николас показал мне что возможно все. Кажется, что он превратился в камень со скользящими в нем искрами. Потом он вновь отпустил взгляд на меня и сказал:

– Давай вернемся? – предложил он и так, что я всей кожей ощутила зародившуюся в нем месть. – Обещаю, что теперь все будет по-другому.

Я подумала, что надо бы сделать еще одну попытку сбежать, потому что царапины не стоили того, но мне стало любопытно, как он сделает это и как именно станут вести себя люди в халатах.

– Дэн, присмотри за ней, пожалуйста, – сказал этот чудаковатый, оставив меня возле автомобиля, а сам пошел обратно в клинику.

Несмотря на разочарование о том, что я не вижу этого шоу, я проследила за ним взглядом, а затем повернулась к шоферу, подпирающего спиной дверь автомобиля.

– Кажется, он собрался разнести там всё, – сказала я, надеясь, что тот последует за ним. – Да?

Дядька со шрамом на пол лица ничего не ответил мне, но взгляда от прозрачных дверей клиники предпочел не отрывать.

[1] Медвежий цвет (он же медвежьего ушка) — темно-каштановый оттенок коричневого.

Глава 4

Глава 4

– Поехали в аэропорт! – скомандовал Николас, выйдя из недр клиники.

Он оттер руку, предложенным шофером платком и отшвырнул кусок ткани в сторону.

– Хорошо, – безропотно согласился этот Дэн, а я пришла в ужас.

За прозрачными дверьми забегали люди. Я подумала, что после учиненного этим парнем грохотом обязательно должна появиться полиция, но этого пока не произошло. Впрочем, меня волновало другое – аэропорт.

– Это всего лишь царапины! – вновь повторила я, не веря, что это все происходит со мной. – Не считаете, что это чересчур?

– Нет, – ответил он мне, вытер руки выуженным из петлицы платком, а потом открыл дверь передо мной. – Если я сказал, что приведу тебя в порядок, значит так оно и будет.

Он открыл передо мной дверь авто и поддержал за локоть, помогая усесться на сидении.

– Вам, конечно, виднее! – ответила я, раздраженно дернув плечиком. – Но теперь вы пугаете меня.

Желание помочь мне отдавало изрядной долей маниакальности.

– Наконец-то, босс, – сказал Дэн на переднем сидении. – Ты напугал эту девочку.

Но несмотря на возмущение мне было жутко любопытно, чем закончится эта странная история.

– Тебе надо позвонить родителям, – сказал мужчина, задержав взгляд на мне какую-то долю мгновения. – Сколько тебе лет, Артемиды?

Я, прежде чем ответить ему, покраснела и даже задохнулась, открыв рот. Ему успели что-то сказать в этой лаборатории для собак.

– Семнадцать. А какое это имеет значение?

– Никакого, – проговорил «босс» с некоторой заминкой. – Просто решил убедиться, что эскулап сказал правду.

– О! – выдавила я, а потом поинтересовалась. – А зачем вы возвращались туда?

Не то, чтобы мне очень хотелось знать подробности – кого он приложил и обо что, что именно уронил или разбил, покидая недра заведения, я хотела привести его в чувство. Чтобы он подумал о том, что сделал и пришел в себя. Но этого не произошло. Все случившееся было самой разумеющейся вещью для него.

– Чтобы прояснить кое-что, – ответил этот Николас, а по глазам стало понятно, что врет.

Я приподняла уголок губ и даже покачала головой, совсем как мама, когда слушала рассказы отца о приключениях на заводе. Этот Николас все-таки сумасшедший.

– Не проще ли было уехать и...

– Нет, Ида, некоторым людям надо вправлять мозги на место, чтобы они переставали смотреть на мир своим извращенным сознанием.

Шофер вновь подал голос, очень выразительно хмыкнув, а его хозяин вновь бросил в его сторону очень строгий взгляд.

– Давайте вы просто отвезете меня домой? – вдруг попросила я. – Я намажусь зеленкой, спасателем и мазью против синяков, а завтра все будет okay.

Николас, играющий в гляделки с дядькой со шрамом, вновь обратил внимание на меня и покачал головой.

– Рубец на щеке останется, – вздохнул он, а потом потянулся к подлокотнику, открыл тайный отсек и извлек из него смартфон с узнаваемым логотипом фруктового огрызка.

– Позвони родителям!

– Может я сразу в полицию позвоню? – спросила я, приняв увесистый гаджет. – Вы как себе это представляете?

После такого нормальные люди ставят на уши весь город, а не успокаиваются и думают, что все будет хорошо. Мой папа именно такой. Он даже хуже.

– Просто предупреди, чтобы тебя не искали.

Я вернула смартфон, потянувшись и положив его сидение.

– Просто верните меня на тот пустырь до семи вечера, а еще лучше остановите на повороте, и я доберусь самостоятельно.

Этот Николас задержал взгляд на мне, а потом переместил его мне за спину. Я и не думала смущаться и мямлить «как скажете, дяденька». Что он в самом деле устроил?

– Поехали, Дэн, нечего так смотреть на меня.

Слава Богу мы не поехали ни в какой аэропорт. Дэн отвез нас в Москву, в какую-то клинику, спрятавшуюся в одном из дворов Златоглавой. Снаружи она не выдерживала никакой критики – про такие обычно рассказывают ужасы в новостях, но внутри все оказалось очень даже прилично. Персонал выслушал Николаса, а потом увел меня в процедурный кабинет. Раны мои обработали. Те, что не кровоточили просто смазали какой-то вкусно пахнущей мазью, а вот с теми которые уже покрылись корочкой, пришлось повозиться. Они сначала наложили маску с каким-то раствором, а потом сняли, очистили от остатков средства и навели мощную лупу.

– Твой папа скорее всего перенервничал, но задеты лишь верхние слои кожи. Здесь не требуется вмешательства эстетической хирургии.

Я выдохнула, но вовсе не потому, что беспокоилась, что у меня останутся шрамы, как у парня из фильма, а потому что переживаю за реакцию француза. Он говорит на русском без акцента, но я все равно нарекла его так.

– Организм молодой и справится со всем самостоятельно.

– Но вы, пожалуйста, сделайте что-нибудь, чтобы уже сейчас все выглядело хорошо, иначе...

Запнувшись, я бросила красноречивый взгляд в сторону двери, внутренне поежившись от предвкушения дороги. Меня немного укачало в пути. Только признаться в морской болезни, как и в абсолютно пустом желудке я не собиралась. Но второй такой поездки я не выдержу.

– Мы поедем в другой центр.

– Хорошо, – улыбнулся врач, вновь надев маску. – У нас есть программа для молодой кожи.

– К вам приходят не только взрослые женщины?

Женщина в маске улыбнулась мне одними глазами, услышав и поняв мое изумление.

– К нам приводят мамы своих дочерей. Так что не переживай, все будет в полном порядке. Ничего агрессивного и сложного.

– Я переживаю не за себя, а за мир в целом, – ответила я с трудом представляя себя здесь со своей мамой.

Она всегда мне говорила, что я самая красивая.

– Не всем повезло с генами, как тебе.

– Да-да, – ответила я с убийственной вежливостью.

Пока я лежала на кушетке, впитывая в себя всякие разные крема и маски, успела поболтать с врачом и поняла почему эти центры красоты так манят дамочек всех возрастов. Здесь можно было поправить внешний вид, но и наболтаться всласть, узнать последние новости и сплетни из светской тусовки. То есть убить трех зайцев сразу.

– Ну вот и всё, – выпалила я с преувеличенной бодростью оказавшись в просторном холле. – Я готова ехать домой.

Почему преувеличенно? Просто я успела задремать. То, что было интересно женщинам постарше пока мало интересовало меня. Я больше думала о том, как вернусь домой и о том, что скажу папе. А еще о том, как избавлюсь от этого приятного запаха, потому что в нашем доме даже самое дорогое мыло и то не пахло так вкусно.

– Хорошо, Ида, – сказал этот Николас, тщательно осмотрев мое лицо и плечи. – Поехали.

Он еще задержался в клинике пока я размещалась в автомобиле, а когда вышел, то вручил мне увесистый пакет с фирменным логотипом клиники.

– Это тебе, – на лице мужчины вдруг промелькнуло смущение. – Будешь пользоваться пока все не пройдет окончательно.

Его эмоция отчего-то рассмешила меня – было очень странно видеть нечто такое на лице взрослого и очень уверенного в себе мужчины.

– Спасибо, – поблагодарила я, разместив пакет на сидении рядом. – Теперь вы отвезете меня домой?

– Может я накормлю тебя напоследок? – спросил мужчина, услышав мое бурчание в животе.

Я страшно покраснела уже в который раз, но все же покачала головой.

– Дома поем, – ответила я, а потом добавила. – Вы же не виноваты в том, что произошло со мной, почему так заботитесь обо мне?

– Потому что, – начал Николас, явно не ожидая моего вопроса. – Потому что...

Я приподняла брови, но на самом деле понимала его. Просто это было очередной попыткой вернуть его с небес на землю.

– Иногда нужно делать то, что велит сердце – проговорил француз задумчиво и посмотрел в окно, – помогать, заступаться, спасать...

– А если он велит делать плохие вещи?

Мое сердце ёкнуло, когда его глаза сверкнули в ответ на этот вопрос, превратившись в два холодных стеклышка.

– Предпочитаю думать, что оно велит мне творить справедливость.

– Зло – это не справедливость, – ответила я, осознав, что в жизни этого человека бывало и такое.

Его сердце иногда шептало ему сотворить зло.

– Смотря с чьей стороны посмотреть, Ида, – сказал мужчина напротив и улыбнулся светлой улыбкой. – Знаешь, как говорят: что для одного ад, то для другого царствие.

Я кивнула, проследив за его взглядом. Он вновь переглядывался с шофером.

– Мы опоздаем, а ты знаешь, как он относится к опозданиям, – подал голос Дэн.

– Как параноик, – выдохнул Николас. – Тогда поехали в эту твою бутербродную.

Николас все привык делать по-своему. Я думала, что Дэн подьедет, выскочит и заберет свертки из Subway. Но «хаммер» подрулил к окошечку «Макавто».

– Заказывай! – скомандовал француз, стоило Дэну повернуться ко мне. – Нормальной едой тут и не пахнет, но все же лучше, чем ничего.

– А вы?

– А я вроде как не голоден.

– Тогда и я поем дома, – живо отозвалась я, перебросив через плечо ремень безопасности.

Но мне стоило уже понять то, что, если француз решил что-то, то обязательно сделает это. Вот только и я была замешана из того же теста. Потому Николасу пришлось заказать что-то и себе. Иначе, я бы не стала просить ничего.

– Признайтесь, что вы впервые едите картошку фри в этой машине? – спросила я, отщипывая кусочек от покрытого глазурью пончика.

В автомобиле было просторно, как в хорошем микроавтобусе и уютно, как в хорошо обставленной тайной комнате.

– Впервые, – согласился Николас, улыбнувшись ленивой улыбкой. – А ты?

– Смейтесь надо мной? – спрашиваю я, с сожалением посмотрев на кусочек сдобы в руках. – Девушки моего возраста считают калории и думают о размерах талии.

На миг в мою голову закралась мысль, что надо бы бросить ею в него, чтобы он знал, как дразнить неискушенных деньгами девочек! Но я не сделала этого. Стало немного не по себе, когда я представила, что делаю это.

– Если только самую малость, – хмыкнул этот невероятно красивый мужчина, протянув мне кулек с золотистыми кусочками.

Я улыбнулась ему в ответ, но от картофеля не отказалась, решив попробовать смешать два вкуса – сладкого пончика и соленого снека. Со мной точно все происходит впервые – знакомство с явно не простыми смертными, поездка в крутом автомобиле, клиники красоты и... вообще все за сегодняшний день. Про момент с заступничеством вообще молчу. Папа однажды сказал, что я должна уметь решать проблемы со сверстниками самостоятельно и я запомнила это.

– Ты и правда фехтовала с тем оболтусом на пустыре?

Я киваю и не говорю в защиту Кости ни слова. Пока я не увидела себя в зеркале, все выглядело куда более невинно. А теперь я и не знаю, как относиться к нему.

– Расскажи мне откуда взялась эта увлеченность рапирами и шпагами?

Я открыла рот, чтобы рассказать ему о маме, но тут же заняла губы трубочкой от молочного коктейля.

– Тогда и вы расскажете мне кое-что? Ладно?

– Ты хитрая девчонка, – говорит мне этот Николас, тут же забирая конвертик с картошкой с преувеличенным возмущением на лице.

Я дальновидная, а он забавный. Знаю, что скоро меня привезут домой, высадят возле подъезда и пожелают всего хорошего. Может быть, скажут что-то нравоучительное и всё! Забудут навсегда. А я хочу, чтобы у меня осталось, как можно больше.

– Кружок в школе? Родители заставили или они у тебя связаны с чем-то подобным? Какая-то новая мода?

Я качаю головой, улыбаясь все шире и шире.

– Вам так сильно не хочется рассказывать мне о себе?

– Отчего же? – парирует он, но видно, что ему не нравится что-то. – Просто это скучно.

Очень унылое занятие, которое позволяет ему не отказывать себе ни в чем. Он лукавит со страшной силой, потому что так не бывает – нельзя делать то, что тебе не нравится очень хорошо. А почему я так решила? Потому что никто не станет платить большие деньги за халтуру. Так папа говорит, и он прав.

– Так и все-таки?

– Я консультант.

Кажется, что я ждала чего-то другого, но совсем не этого. Он должен был сказать про крупный бизнес, инвестиции или строительство домов.

– Твоя очередь.

– Нет-нет-нет, подождите! – говорю я, двигаясь к краю сидения. – Так я тоже могу ответить и это вам совсем не понравится.

Водителя что-то забавляет в нашем разговоре. Он хмыкает в который раз и заставляет своего босса смотреть в его сторону недовольным взглядом, а потом на меня, но теперь с улыбкой.

– В чем именно вы консультируете? Это касается финансов? Закона? Здоровья? Может в моде и стиле?

– Упаси Господь, – отшучивается этот Николас, но крестом себя не осеняет. – Я консультирую людей в плане отношений.

Он откидывается на спинку сидения, блестит глазами и повторяет.

– Помогаю взрослым людям определиться с тем, как поступить в той или иной ситуации.

Я задумываюсь. Кто бы мог подумать, что психологи могут быть настолько успешными людьми? Я думала, что их удел – это супермодные кабинеты, кушетка и блокнот, в который они записывают что-то, что касается клиентов.

– Твоя очередь, Ида.

– Мне нравятся книги про пиратов, – говорю я, а сама краснею. – Я перечитала их все и в них нет ни одного персонажа, который не умел бы фехтовать.

Я смущаюсь и заливаюсь краской, потому что жду, что сейчас он скажет мне про детскую литературу, а потом добавит, что я уже не ребенок и надо бы думать о будущем. Но он не говорит этого.

– Ты удивительная девочка, Ида.

– Даже не скажете ничего про то, что это совсем не то, чем стоит заниматься взрослому человеку?

– Нет. Фехтование – это спорт, и он еще никому не был во вред.

Я прищуриваюсь, не веря в свою догадку.

– Может и вы владеете шпагой?

Он улыбается проказливой улыбкой.

– Если только самую малость.

– Невероятно, – шепчу я, мигом забыв про недоеденный пончик в руке.

– Хочешь убедиться в этом?

– Разумеется!

Всего шесть слов с его стороны и наше знакомство перестало быть странным. Оно стало увлекательным и очень даже невероятным.

– Дэн, – зовет Николас, скользнув по мне непонятным для меня взглядом. – Надо остановиться и преподать этой юной леди парочку уроков.

Глава 5

Глава 5

Я думала, что Дэн остановит авто на каком-нибудь пустыре, но он выбрал совершенно чудеснейшее место – поляну с недавно скошенной травой. Я и не знала, что в Подмоскovie бывают такие места. Пока мы ехали за окном виднелись одни лишь свалки, да трубы.

– Красиво, – сказала я, вдохнув запах срезанных трав и тех, что выжили, благоухая по периметру. – И пахнет тоже чудесно.

– МКАДом?

Я покачала головой, взглянув на небо, которое словно по волшебству прояснилось. Тучи растянуло по сторонам, выглянуло солнце и мир стал куда более приветливым чем прежде.

– Идите сюда, – позвала я, оглядываясь по сторонам в поисках того, что могло быть сойти за рапиру. – Здесь пахнет медом.

– Вижу, что здесь неподалеку гуляют коровы, – ответил Николас, поморщившись при этом. – Поверь это не мёд.

Я цокнула и уже повернулась сказать ему, чтобы он не смотрел на животных, а шел ко мне, как осеклась, осознав, что он подсмеивается надо мной, а еще смотрит на меня тем самым взглядом, который я так и не смогла идентифицировать.

– Если передумали, то скажите – сказала я, посмотрев и оценив длину найденной палочки. – Я пойму.

– Очень великодушно с твоей стороны, – ответил этот Николас и неожиданно улыбнулся. – Но нет.

Улыбка шла этому мужчине, делая его строгое лицо как будто бы молодым.

– Проиграть девчонке – это надо уметь, – продолжила я не без удовольствия. – Дэн будет вспоминать вам это при каждом удобном случае.

– И неудобном тоже, – отозвался Дэн, разместившись на камешке неподалеку. – Не упущу момента.

Водитель закурил. Но сизый дым вместо того, чтобы заполнить поляну унесло куда-то в сторону.

– Дэн, она же ребенок!

Я хотела возмутиться, презрев немудренную заботу обо мне, но передумала вмешиваться в разговор двух взрослых. Убедилась уже, что чем чаще говоришь, что не маленькая, тем больше все думают именно таким образом.

– Ветер на меня, – сказал мужчина со шрамом, а потом кивнул в мою сторону. – Давай уже, преподнеси урок, хотя, что-то подсказывает мне, Ник, что все будет наоборот.

Я отсалютовала своей палочкой и приняла классическую позу в фехтовании.

– Смотри-ка, ты и правда что-то умеешь, – сказал этот Николас, повторил жест и пошел на меня.

– Вы ничего не умеете, – подразнила я исключительно для того, чтобы убрать его скованность. – Просто признайте это и тогда все закончится!

Я поняла, что он все-таки пожалел о своем предложении сразиться со мной. Все-таки он был взрослым, а я малявкой, которая уступала ему не только в росте, но и в весе. Но вскоре, после пары-тройки подобных фраз от меня и подсмеиваний Дэна, Николас разошелся, и наша схватка стала похожа на самый настоящий спарринг. Я убегала от него, уворачивалась, подныривала и даже «дырявила» его. Я даже решила, что смогу победить его, но ошиблась, когда вдруг обнаружила себя обезоруженной и на краю поляны с упирающимися мне в лопатки зарослями борщевика.

– Сдаешься?

– Я поддалась вам, – улыбнулась я, разведя руками в сторону и показав ему язык.

Николас вновь рассмеялся. Нет он расхохотался, и я подумала, что эта одна из лучших эмоций, виденных мной за последнее время. Я вдруг осознала, что со смерти мамы давно не веселилась так, а еще поняла, что она имела в виду, когда говорила, что это невероятное чувство делать кого-то счастливым и видеть чью-то радостную улыбку.

– Сдаюсь! – проговорила я и приняла его руку, чтобы не завалиться в ядовитое растение за спиной. – Теперь ваша очередь рассказывать, где вы научились так фехтовать.

– Это входило в обязательную программу школы, в которой я учился. Ничего интересного.

– Ну-да! Куда интереснее перепрыгивать через козла или метать гранату.

– Все это может пригодиться, а фехтование нет.

Не было смысла спрашивать, что это за учебное заведение ведь я никогда не попаду туда.

– Почему мне кажется, что вам это совсем не нравилось?

– Потому что это чистая правда, – ответил Николас, подсадив меня на первую ступеньку.

– Никому не нравится делать что-то из-под палки.

– А что ваши родители говорили в ответ на это? – полюбопытствовала я, желая понять кое-что для себя относительно предков разных поколений.

– Ничего. Потому что я не делился с ними этим.

На этом разговор закончился. Я поняла, что спросила что-то бестактное, ведь настроение моего спутника изменилось в одно мгновение, словно солнце ушло и небо вновь затянули тучи.

– Я не хотела расстроить вас, – сказала я напоследок, дотронувшись до его руки. – Просто мне было интересно, как живут другие люди.

Николас «очнулся» вместе с моим прикосновением. Он посмотрел на мою руку непонимающим взглядом, а потом, нахмурившись, посмотрел на меня, взялся за ручку и вышел из остановившегося авто.

– Рад, что познакомился с тобой, Ида, – сказал мужчина и, взяв за руку, поцеловал тыльную сторону моей ладони. – Оставайся такой же и ни в коем случае не позволяй обижать себя будь то жизнь или спарринг.

Я кивнула, получив предвиденную порцию пожеланий.

– Хорошо.

У меня даже в носу защипало от осознания, что мое волшебство закончилось и пора прощаться с этим странным парнем.

– До свидания, – проговорила я, забрав пакет у Дэна, и очень тихо прошептала водителю.

– Берегите его, пожалуйста.

Я не знаю, чем руководствовалась, говоря все это. Я поняла, что Дэн не совсем водитель, а еще вдруг осознала, что это Николас невозможно одинокий человек.

– Просто иди вперед и не оборачивайся, – шептала я себе, преодолевая знакомый двор.

– Иди вперед и не оборачивайся.

Мне ужасно хотелось сделать обратное. Чувствовала я себя очень странно, ловя себя на ощущении, что не должна уходить. Но это было большой глупостью. Кто этот Николас и кто я? Он забудет обо мне завтра. Вообще, что может связывать его и меня, кроме тяги к безрассудным поступкам и фехтования?

– Пап, я дома, – проговорила я, включив свет в коридоре. – Фух! Пронесло!

Я добралась до дома, когда только-только стал сдавать световой день. Знала, что папа еще должен был быть на смене, но позвала его на всякий случай. Убедившись, что я в квартире одна, я отнесла пакет в комнату, спрятав его под кровать, а потом отправилась на кухню. Ужин сам себя не приготовит, а отец придет домой голодным.

Что насчет пакета, то лучше родителю не знать о том, что приключилось со мной сегодня. Он не в восторге от моего общения с Костей. Не будет рад он тому, что я провела весь день в компании взрослого мужчины. Костя, по его мнению, слишком взрослый для меня. Он ведь уже студент! Тогда, что он скажет про этого Николаса?! Я не смогу убедить его в том, что все было более чем невинно.

– Что за глупость я сказала?! – простонала я, вспомнив последние слова, которые прошептала Дэну. – Он ведь взрослый, успешный, а я возомнила о себе черти что!

Пока варилась картошка в мундире, я успела нарезать соленые огурцы и лук, задумав сделать самый вкусный салат из всех которые я пробовала за всю свою жизнь – картофельный, заправив его нерафинированным маслом.

– Блин!

В шкафу не оказалось нужной мне бутылки. Я уже думала махнуть рукой и заправить его майонезом, но решила сберечь не самый любимый из моих соусов для другого случая. Сама я есть не хотела, сытая после перекуса с Николасом.

– Дура! – в очередной раз воскликнула я, вернувшись к тому моменту.

Интересно, как долго я буду вспоминать этого француза? За последний час не было минуты, чтобы я не думала о том, как прошел мой сегодняшний день и не улыбалась особо классным моментам.

– Ида?

– Здравствуйте, Зоя Васильевна, – поздоровалась я, застыв на пороге. – У вас не будет масла?

Я покрутила стаканом, предлагая наполнить его хотя бы на четверть.

– Я обязательно верну, – произнесла я, мило улыбнувшись при этом. – Завтра или послезавтра.

Все-таки есть кое-какие плюсы от проживания с подругой в одном доме. Но минусов после вчерашнего будет больше и самый главный – неизбежные встречи перед школой и после.

– Будет, но да Бог с тобой, не надо ничего возвращать – ответила женщина, сначала смерив меня внимательным взглядом и только затем отправившись на кухню. – Ты проходи, не стой на пороге.

Я подчинилась, хотя, мне этого делать не хотелось. Я знала, что последует за этим маленьким приглашением – предложение пройти к Лизке. А еще расспросы. А еще попытка помирить нас. Она уже наверняка знает о том, что мы «поссорились».

– Папу ждешь со смены? – спросила вернувшаяся тетя Зоя, протянув мне стакан, наполовину заполненный маслом. – А что к Лизе не проходишь?

– Просто тороплюсь, – соврала я и для убедительности добавила. – У меня картошка на плите.

– Поссорились значит, – сказала женщина, нахмурившись при этом. – Но я тебя уверяю этого больше не повторится.

– Да? – поинтересовалась я с кажущейся невинностью. – Она что передумала общаться со своими новыми подружками?

– Мне она сказала, что вы были вместе, – сказала тетя Зоя и приняла такой вид, что стало ясно, что ее дочуре влетит по первое число. – Но по тебе вижу, что соврала.

Я кивнула, собравшись уходить. Не собираюсь прощать эту предательницу, которая испортила то, что принадлежало мне всегда.

– Ида?! – раздалось из ближней комнаты. – Ид?!

– Сходи-сходи, полюбуйся на нее, Ида, – сказала Лизкина мама ласково, а потом угрожающе крикнула. – Вкусно было доченька?

Я с трудом узнала в хриплый интонациях голос подруги. На первый взгляд могло показаться, что Лизка слегла с простудой. Она лежала в кровати, а рядом с ней стояла бутылка с

водой, стакан и всевозможные таблетки. Реальность оказалась проще – Лиза болела, но вовсе не простудой, а простым и постыдным похмельем. Об этом свидетельствовал синий таз под кроватью и едва ощутимый запах перегара.

– Явилась под утро. Уделала мне весь коридор, ванну и туалет, а теперь лежит! Но будет ей уроком!

– Мам, отстань! – прохрипела Лизка, потянувшись к стакану с водой. – И так плохо!

Я отступила обратно. Стало противно.

– Ид, не уходи пожалуйста.

– Мне ужин надо готовить, – буркнула я, осознав, что не могу наслаждаться, как бы ни было обидно чужими страданиями. – А ты лечись.

– Тебя папа твой искал сегодня.

Я повернулась к Лизке и приподняла бровь. Хороший способ она выбрала, чтобы вернуть меня обратно.

– Папа на смене.

– Он приходил сегодня. Мама и папа были на работе. Они ничего не знают про это.

Мое сердце вдруг застучало в горле, напомнив то противное чувство, которое я испытала в хаммере у Николаса.

– Что случилось то? – спрашивает она, усаживаясь на кровати. – Я еще никогда не видела его таким.

– Ничего, кроме того, что ты растрепала обо мне все! – говорю я, а сама разворачиваюсь и иду обратно в коридор, просовывая ноги в сброшенные тапки. – Что еще мне рассказать, чтобы об этом знали все?

– Ида! Пожалуйста! Они напоили меня!

– Да? А я помню все иначе – ты сама согласилась пойти с ними! – бросаю я в дверях и чувствую себя невероятно тупо.

Поступок Лизы серьезен, но я не могу отделаться от ощущения детскости происходящего. Неужели только когда мне исполнится восемнадцать меня перестанут преследовать подобные мысли?!

читать Мой ребенок Тигр <https://litnet.com/shrt/lqV7>

Глава 6

Глава 6

Я влетела к себе, чуть было не потеряв тапки и не расплескав масло. Сердце стучало, как бешеное. Мы никогда не ссорились с Лизкой из-за настолько серьезных вещей. Все больше из-за проектов и их оформления. Никогда я не кричала на нее, не хлопала дверью и не давала стрекоча, ощущая себя настолько наивной. Но как же дружба? Неужели совсем никому нельзя верить? Нет?!

– Ида?!

Окрик отца испугал меня. Он был таким неожиданным, громким и страшным, что я все-таки вылила злополучное масло, разбив стакан, и чуть было не поскользнулась на разлитой жидкости!

– Пап?! Ты чего?

Отец бросился ко мне. Его вид потряс меня. Сложилось такое впечатление, что мы не виделись неделю и за это время он не спал, не ел и не отдыхал. Он почернел и осунулся.

– Ида! Ида! Ида!

Он чуть было не упал, успев схватиться за косяк, но потом все-таки сполз по нему.

– Где ты была дочка?! – продолжал кричать папа, бухнувшись передо мной на колени.
– Где ты была, я тебя спрашиваю?!

– Ходила к тете Зое за маслом, – ответила я и тут же поняла, что он спрашивает совершенно о другом промежутке времени.

Папа интересовался не о том, что было пять минут тому назад, а о том, что случилось несколько часов тому назад.

Мне стало страшно, потому что... Как он узнал?! Почему переполошился? Кто мог позвонить ему? Катька и Вика? Да они даже не знают где он работает.

Лизка не соврала. Папа действительно искал меня. Но вот только зачем он делал это? Ведь я обычно и так предоставлена самой себе на весь день.

– Утром я ходила на спарринг с Костей, – прохрипела я неожиданно осевшим голосом, решив признаться хотя бы в одной правде.

В записке, которую я оставила на столе, говорилось совершенно о другом. Зная об антипатии папы к моему пирату Костьке, я написала, что ушла собирать материал для DIY на дальний мост.

– С кем?!

– Пап, я буду с ними общаться, даже если ты запретишь мне это, – произнесла я, не понимая почему отец все никак не придет в норму.

Как уже было сказано папа выглядело ужасно. Он смотрел на меня вопрошающим... Нет! Пытливым взглядом. Потом и вовсе потянулся, взял за плечи и затряс.

– Мне позвонили! Звонили слышишь?! Звонили!!!

– Да! Кто тебе звонил? Что сказал?

Я замотала головой, пытаюсь встряхнуть то состояние, которое перекинулось на меня от папы. Мне стало не менее страшно, чем ему.

– Диана Алексеевна. Помнишь ее?

– Нет.

Тетка из клиники. Та самая, которая показалась мне смутно знакомой. Она раньше жила в соседнем подъезде. Потом переехала, когда вышла замуж. Выходит, что и работу она тоже сменила, перестав работать в местной поликлинике.

– Она такого наговорила мне! Тебя видели сегодня в клинике с каким-то уродом! Ты проходила медосмотр и выглядела совершенно ужасно. Потом ты сбежала, нахамив работникам. После чего ворвался этот папик и разнес там всё.

Что-то такое отразилось на моем лице, что подсказало папе, что так все и было на самом деле. Я не смогла выдержать выражение лица под названием poker face. А стоило бы.

– Так?! Так это была ты?!

– Пап, все было совершенно не так, – начала объяснять я, убирая его руки со своих плеч.

– Они все неправильно поняли и вели себя ну просто ужасно.

Зря я сказала это. Надо было дать заднюю и отрицать все до последнего. А так папу провало и добрых десять минут он просто орал, не переставая. Вдобавок ко всему начал обзывать меня и вспомнил маму.

– Что не так они поняли? Они верно оценили ситуацию! Моя дочь заявила с каким-то хмырем! Кто он? Давно ты встречаешься с ним?! Что?! Повелась на его бабки? Тачку? Такая же как мать! Шлюха! От осинки не родятся от апельсинки!

Последние два предложения сделали со мной что-то такое, вызвав небывалый прилив злости! Как он мог так назвать маму?! Как?!

– Замолчи! Закрой рот сейчас же! Не смей вспоминать!.. Не говори о ней так!

Я выкрикнула все это и тут же зажала себе рот. Вот уж чего точно не было в моей жизни – чтобы я орала на папу!

– Провало! – усмехнулся отец, вскочив на ноги. – Понеслась!

Он перестал орать, но тон его вышел угрожающим. Папа бросился ко мне в комнату, принялся греметь дверцами шкафов, ящиками и сбрасывать с полок вещи.

– Ага! Я говорил!

Я только-только отошла, вытерла слезы и прошла за ним в свою комнату, как он выскочил со злосчастным пакетом и едва ли не ткнул мне им в лицо.

– Что это?! Отвечай! Это я неправильно понял?! Мелкая дрянь!

– Он заступился за меня и помог! – вновь захлебнувшись слезами, попыталась объяснить ему я. – Он всего лишь помог мне, как ты бы помог Лизке!

– Лизу я бы отвел домой к родителям, а не сажал в свою машину и тягал по всему городу, чтобы нормальные люди думали черт знает что!

Он грохнул пакетом об пол. Отчего тот лопнул и все его нехитрое содержимое разлетелось по полу.

– Куда бы он меня привез? Ты всегда на работе! Тебе не дозвониться! Сюда?!

Я оглядела нашу прихожую и даже содрогнулась при мысли, что я бы привела этого Николая к нам в дом. Мне было бы стыдно! Стыдно, стыдно и еще раз стыдно. Но не от того, как мы живем, а от чувства жалости, которое он бы непременно испытал ко мне.

– Посадила бы за стол и сидела бы ждала, когда ты вернешься со смены и удивишься чужому мужику на своей кухне?! Он всего лишь хотел убедиться, что со мной все нормально! А эти решили то же, что и ты! Он ничего не сделал! Ничего такого, чего бы не сделал нормальный человек!

Я говорила все это, а сама поднимала баночки, флакончики и тюбики с пола. Они выскальзывали из моих рук, и я вновь подхватывала их, то и дело дотрагиваясь до лица и размазывая слезы по лицу.

– Завтра пойдем в эту клинику!!!

Он вновь схватил меня.

– Ты пройдешь осмотр, чтобы я смог убедиться, что ты говоришь чистую правду!

Я замерла, глядя в наполненные яростью глаза отца. Я не верила в то, что он сказал это. Что заставило его сомневаться во мне? Слова какой-то непонятной тетки, которую он не видел тысячу лет?!

– А теперь скажи мне адрес этого твоего!

– Кого? – переспросила я, не понимая, чего он хочет от меня. – Я же тебе уже все сказала!

– Адрес твоего Кости! Или как зовут этого ублюдка?!

Я покачала головой, ощутив, как меня словно окатили водой из ледяного душа. Отец явно не в себе раз требует такого. Что он собрался делать?

– Папа, почему ты не веришь мне?

Отец вместо ответа схватил меня за руку и поволок в комнату, не обращая внимания на падающие банки и мои слезы, впихнул в комнату, после чего закрыл дверь за мной, провернув ключ в замке.

– Папа!

Сказать, что я была в шоке значит не сказать ничего. Меня никогда не запирали. Никогда не наказывали за правду. Я даже не знала, что от моей комнаты есть какие-то ключи!

– Папа! Открой сейчас же!

Зачем надо было запираить меня? Чтобы наказать меня? Чтобы я не сбежала из дома? Куда?! Ночь на дворе!

Вместо ответа раздалось хлопанье двери.

Папа ушел куда-то и появился только через несколько часов. Все это время я ходила по комнате, садилась, ложилась и вновь вскакивала, пытаюсь выйти из комнаты. Неожиданно захотелось все – пить, есть, в душ и в уборную. Но неизвестный мастер сделал замок на совесть – он не поддавался и не желал открываться с помощью подсмотренных в фильмах способов.

– Папа! Открой дверь! Пожалуйста!

Я замолотила в дверь, собираясь сказать, что нормальные люди ходят в туалет. Но, к счастью, не успела сделать этого.

– Он что запер тебя? – раздалось за деревянной створкой совершенно незнакомым для меня голосом. – Дима! Иди сюда и выломай эту проклятую дверь!

От удивления я забыла обо всем на свете. Кто-то был в нашей квартире. Кто-то чужой, но одновременно свой, потому что он отпер дверь своим ключом.

– Артемиде, ты должна отойти от двери! – приказал все тот же старушечий голос. – Иначе, Дима тебя зашибет!

Кто такой этот Дима? Кто эта женщина? Где папа? Слишком много вопросов роилось в моей голове и на них пока не было ответов.

– Все нормально, – пробасил кто-то совсем рядом. – Аделаида Георгиевна, я нашел отвертку!

В замке принялись ковыряться, а я принялась ждать, когда меня освободят и все-таки объяснятся. Мысли о пропавшем куда-то папе омрачались дурным предчувствием.

– Кто вы? – наконец спросила я, потеряв остатки терпения. – Что вы делаете в нашей квартире? Где папа?

– Этот безумец?! Шарлатан?! Бездарь?!

Незнакомка неожиданно замолчала.

– Бедная девочка! Бедная-бедная девочка! Дима, ломай дверь! Инструмент – это совершенно не твое!

– Где папа?! Отвечайте!

– Потерпи! Ты должна знать, что приличные люди не разговаривают через дверь, как бы дурно ни складывались обстоятельства!

Отчего-то это замечание заставило меня подчиниться. Я села в кресло и принялась ждать, слушая как переговариваются Дима и Аделаида Георгиевна. Но лучше сказать: переругива-

ются. Пожилая женщина честила Диму, поторапливала и вновь бранила его за нерасторопность.

– Дима! – требовала она со звенящими интонациями. – Выбей эту дверь, Христа ради!

Я слушала их, а сама мучилась в догадках. Кем была эта женщина? Бабушкой? Папина давно умерла, оставив ему эту квартиру. Тогда мамина? Может. Вот только она ничего не рассказывала о ней. Никогда. Вспоминая все те случаи, когда я спрашивала о ней, могу с уверенностью сказать только одно – мама мастерски избегала всяческих разговоров о ней.

– Что тут можно беречь?! Тут присесть страшно! Руки помой после обязательно!

Дверь в комнату неожиданно распахнулась, открыв моему взору высокого и крупного мужчину, который тут же отступил в сторону, пропустив вперед пожилую, но невероятно аккуратную женщину. Держалась она с достоинством. Я бы даже сказала, что чопорно, прижимая к груди черную сумочку с узнаваемым брендом Channel.

– Артемида?

Я встала, не зная, как вести себя. День продолжал бить все мыслимые и немыслимые рекорды по странности.

– Да. Я хотела бы знать кто вы и что вы делаете в моем доме?

– На будущее, дитя, вопросы стоит задавать по очереди, а не сваливать их в одну кучу, – начала женщина менторским тоном, оглядев мою комнату и остановив взгляд на мне. – Меня зовут Аделаида Георгиевна Спасская.

Прямой и пронизывающий взгляд ее темных, но чем-то знакомых глаз было не просто выдержать, но я все же сделала это.

– Хорошо, Аделаида Георгиевна, – кивнула я, взяв на заметку этот урок хороших манер. – Что вы делаете в моем доме?

– Я твоя бабушка, – сказала она, закончив рассматривать меня и едва заметно, но морщиться при этом. – Я приехала после звонка твоего отца.

– Папа звонил вам?

Я не смогла ничего поделать с собой, задав этот очевидный во всех смыслах вопрос. Она же сказала, что звонил и ей незачем врать об этом.

– Зачем?

– Он думал, что ты у меня, – просто сообщила мне женщина, а потом присела на краешек дивана. – Но я сумела донести до него, что он ошибается и тебя у меня быть не должно ни при каких обстоятельствах.

Мне нравится и не нравится ее тон одновременно. Пожилая женщина не раскрывала свои предложения сразу и предлагала задавать вопросы. Но ее поучительный тон раздражал.

– Ты должна собраться, Ида, – проговорила Аделаида Георгиевна. – Я отвечу на твои вопросы по дороге.

Она подняла руку и отодвинула рукав жакета, обнажив тонкое запястье и миниатюрные часики на нем.

– Время позднее и домой мы доберемся глубоко за полночь.

– Я никуда не поеду с вами, – проговорила я, испугавшись чего-то. – Мне нужно дожидаться папу.

Она кивнула чему-то своему. Мне же показалось, что она предвидела этот ответ.

– Такая же упрямая, как твоя мать, – выдохнула она, а потом еще раз кивнув произнесла. – Твой отец в тюрьме, Ида, и он сам попросил меня приехать за тобой.

Глава 7

Глава 7

– Папа в тюрьме? – переспросила я, осев в не слишком удобное кресло. – Как?

– Тебе нужно собраться, Артемида, – терпеливо повторила Аделаида Георгиевна. – Взять все самое необходимое и документы.

Не веря в сказанное, я посмотрела на часы. Сколько времени прошло? Три часа? Что за это время мог совершить папа? Неужели он нашел Николаса? Нет. Бред. Он уехал. Значит он сделал что-то с Костей? Кто ему мог сказать про Костю? Лизка!

– Я никуда не поеду с вами, – проговорила я, не узнав своего голоса. – Я не могу.

Он охрип. Горло задеревенело и отказалось слушаться команды мозга. Четыре слова были больше похожи на невнятный рык.

– Мне нужно к папе.

Ступор прошел также быстро, как и наступил. Я вскочила со стула и огляделась по сторонам, потом сделала в шаг сторону и была остановлена старушечьим, но невероятно властным:

– Дима!

Спутник бабушки понял, что от него требуется без лишних слов и загородил проход. Я натолкнулась на него и совершенно беспомощно взмахнула руками. Протиснуться между ним и дверью не было никакой возможности. К тому же он вряд ли бы стал просто стоять, а Аделаида просто смотреть, как я пытаюсь выбраться из комнаты.

– Я должна пойти к папе, – прошептала я, взглянув на амбала в дверях. – Я должна понять, что случилось.

Я оглянулась на женщину, увидев, что Диме абсолютно все равно на мой лепет.

– Я нужна ему!

То, что папа сделал что-то после разговора со мной, а значит я виновата во всем что произошло с ним было очевидно для меня. Я испугалась настолько что кольнуло сердце и стало не хватать кислорода.

– Ида, прекрати истерить и послушай меня внимательно.

Женщина сунула сумку в руке Димы, а сама, повернувшись ко мне, взяла меня за плечи и усадила обратно в кресло.

– Твой папа напал на человека.

– На кого?

У меня похолодело на сердце, но мог отказывался принять это. Как папа?... Это же папа. Уставший, заботливый и вечно закопанный в заботах папа!

– Я пока не знаю этого, но все очень серьезно, – ответила женщина и тут же спешно добавила. – Ему дали позвонить только благодаря тому, что он знал в полиции кого-то.

Ключи от дома ей передал дежурный, взяв клятву, что она ни за что и никогда не скажет об этом никому.

– Клятву! – фыркнула Аделаида. – какой старомодный мальчик.

– Вы не знаете? – переспросила я, обрадовавшись этой информации. – Так может это все недоразумение?

Женщина поджала губы и качнула головой в очень знакомом мне жесте. Ее взгляд, наклон головы и поджатые губы напомнили мне кое-кого, а если быть точным маму.

– Ида, я говорю тебе то, что мне сказал твой отец. Он напал на кого-то. Сейчас он в тюрьме и все более чем плохо – то не простая драка в подворотне.

Едва забрезживший луч надежды погас. Я не понимала ничего. Как за три часа могло случиться такое? Как? Почему она думает о папе в таком ключе?!

– Мой папа не алкаш, не дебошир и не негодяй, как вы думаете о нем! Он нормальный, порядочный и работающий.

Но «бабушка» проигнорировала мои слова, как будто бы не услышав их.

– Ты говоришь совсем, как твоя мама.

– И она была права! – вскричала я, осознав, что значит выражение «в запальчивости». – Уж поверьте мне – я знаю его всю свою жизнь!

Черти что творилось в моей душе в данную минуту – отчаяние, злость, растерянность и страх... Он был хуже всех остальных чувств.

– В любом случае, ты не сможешь помочь ему, если останешься здесь одна.

– Но, если уеду с вами тоже, – возразила я, посмотрев ей в глаза.

– Именно поэтому твой отец позвонил мне с просьбой забрать тебя и помочь ему в этой ситуации.

Она погладила меня по плечам и в ее глазах промелькнуло выражение грустной улыбки.

– Я уже связалась со своим юристом, и он уже мчит сюда на всех парах, чтобы разобраться с тем, что произошло здесь и помочь твоему отцу выбраться из той ситуации, в которую он вогнал себя.

Я кивнула. Это информация более-менее успокоила меня – папе помогут. Он ведь безобидный. Может накричать, поругаться с кем-то, но он никогда и ни с кем не ввязывался в драки. Говорил, что интеллект – вот что ему дало высшее образование.

– Хорошо, – сказала я старательно спокойным голосом и сделала движение, чтобы освободиться. – Я соберусь, но вы пожалуйста, еще раз расскажите мне всё.

– Хорошо, Ида, – выдохнула женщина и, кажется, расслабилась. – Собирайся.

Не знаю, чего она ожидала. Быть может того, что я заплачу. Но правда в том, что ситуация потрясла меня, как и все остальное за этот день.

– Надеюсь, это Артем и у него хорошие новости для нас, – сказала она, когда комнату заполнили звуки оперных голосов.

Она забрала сумочку из рук Димы, вытащила из нее телефон и, поколебавшись немного, ответила на звонок. Некоторое время она просто слушала.

– Я так и знала, что мне стоило приходить туда, – сказала Аделаида Георгиевна, сильно побледнев при этом. – Прошное надо оставлять в прошлом и не искать возмездия в настоящем.

Она помолчала еще немного под моим испытывающим взглядом.

– Хорошо, Артем Максимович, – сказала она как будто обреченно. – Сделайте все возможное со своей стороны.

Она повесила трубку, а потом повела подбородком в неопределенном направлении.

– Собирайся, Ида. Теперь нам точно надо ехать – твоего отца перевозят в СИЗО города Москва.

Кажется, у меня закружилась голова от нахлынувших вопросов и немедленных выводов. Пап точно напал на этого Николаса. Только ему под силу было устроить такое. Но уж никак не Косте и его бабушке. Он разнес клинику и хоть бы хны!

– Что значит «мне не стоило приезжать туда»? Что вы сделали? Вы что-то сделали и стало хуже!

Мне все еще не верилось в происходящее и разум искал виноватых где угодно и в ком угодно только не в мотивах самого папы. Ведь их не могло быть. Он же видел, что со мной все в порядке и должен был поверить мне. Я никогда не лгала ему, кроме сущих мелочей, которые не могли повлиять ни на что.

– Я все объясню, Ида, – сказала невероятно бледная, но стильная женщина. – Тебе надо собраться и даже, если ты заартачишься, то я все равно увезу тебя отсюда.

Не она, а я посмотрела на Диму и представила, как он тащит меня, как куль с картошкой, ступая за этой деловой бабулей. То, что она действительно моя бабушка, несмотря на кое-какие признаки родства мне верить не хотелось. Где она была все эти годы?! Где?!

– Когда твой отец позвонил мне, я признаюсь в своей слабости, возликовала, – сказала женщина, когда мы сели в автомобиль. – Все эти годы, что я не общалась с внучкой...

– Вы сказали, что вы моя бабушка, – я совсем невежливо перебила ее, поразившись услышанному.

Облик Аделаиды Георгиевны совсем не вязался с тем к каким старушкам я привыкла. Прабабушки в моем сознании всегда были почти немощными женщинами, которые еле-еле передвигались до лифта, а потом сидели на лавочке, вдыхая «вкусный» воздух, лишенный запахов квартиры.

– Прабабушка, – сдержанно улыбнулась женщина, поморщила губы и тут же попросила. – Зови меня, как угодно, но только не прабабушкой.

– Хорошо.

Я решила оставить на потом вопрос: почему же не приехала ее дочь. Сейчас меня волновало другое.

– Я предсказывала Софии...

Настал ее черед удивленно скидывать брови, бросив всего один взгляд в мою сторону.

– Ты не знаешь кто такая София?

Я покачала головой и отчего-то покраснела. Стало вдруг до неуютного стыдно, что я не знала ее и какую-то Софию, хотя, разумеется, не была виновата в этом. В грудь вдруг зажегся огонек злости на родителей и тут же потух, потому что это было мелочью по сравнению с тем, что произошло и происходило сейчас в их жизни.

– Это твоя бабушка. Моя дочь... Твоя мать не рассказывала тебе о ней?

– Нет, – удрученно ответила я, осознав, что передо мной открылась непаханая целина из вопросов и ответов.

Все прошедшее за день, кроме случившегося с папой отошло на второй план. Если не сказать, что забыто.

– Я думала, что у нас больше нет родственников. Бабушка Вика умерла еще до моего рождения, и я считала, что и...

– Все остальные тоже, – продолжила за меня женщина жестоко, а потом отвернулась к окну. – Мне не показалось, и ты совсем ничего не знаешь о своей семье.

Она почти тут же выставила перед собой раскрытую ладонь, и я поняла этот жест, увидев, как в ее глазах сверкнули слезы, которые высушены выуженным из сумки платком. Ей надо было пару минут, чтобы прийти в себя.

– Я предсказывала Софии, что Павел закончит свою жизнь таким образом, просила и убеждала ее вмешаться, но у нее, как и у всех Спасских был характер, – повторилась Аделаида Георгиевна, глядя в окно, – и, когда он позвонил мне с просьбой о помощи – возликовала.

Она собралась в путь за считанные мгновения, забыв о позднем часе и едва ли тронув волосы гребнем. Но я усомнилась в ее словах – все в ее облике было прекрасно и не подвергалось даже малейшей критике. Одежда, прическа и макияж смотрелись так словно она не отходила ко сну, а провела несколько часов у зеркала.

– Я хотела высказать ему все, повторить то, что сказала много лет тому назад, что он испортил жизнь моей внучке, опозорил и бросает на произвол судьбы.

Я задохнулась в своем желании выкрикнуть, чтобы она замолчала и перестала кликать беду.

– Я сделала это, Ида. Не суди меня строго. Я очень любила твою маму. Даже больше, чем свою дочь и Бог наказал меня за это.

Папа выслушал ее, а потом попросил позаботиться обо мне, если не ради него, то ради памяти моей мамы.

– Столько лет я жила с обидой на Милану и Павла, а теперь, когда увидела его в этом совершенно ужаснейшем месте, то меня отпустило. Я не могла оставить все вот так и позвонила адвокату. Но я была потрясена, Артемида. Мне нужен был воздух, и я гуляла в самом непригодном для этого месте – во дворе этого ГОВД.

Я ждала. Я превратилась в само терпение, ожидая услышать то, что произошло там. Что она сделала, что усугубило ситуацию. Но правда оказалась слабее всех моих ожиданий.

– Я встретила человека.

Я задержала дыхание.

– Этого Сергея. Теперь его зовут иначе Сергеем Юрьевичем, но Сирож, есть Сирож. Он разжирел за эти годы, как все, кто правят этой страной, но это точно он и взгляд, которым он одарил меня, сказал мне совершенно точно, что я не ошиблась.

Она вновь покривила губами, но в этот раз с четко читающимся презрением.

– Из-за него все покатилося по наклонной. Он стал тем камнем преткновения. Он надломил уготованную Милане судьбу и пустил ее под откос.

Моя голова кружилась от обилия информации. Кое-что прояснилось для меня, но большей частью все только запуталось. Вопросов было слишком много, и я знала, что задам их все, чтобы понять, узнать, выяснить.

– Он бы не узнал твоего отца и все, наверное, сложилось иначе. Павел сильно изменился за эти годы. Из блистательного молодого человека он превратился в рухлядь, ты уж прости меня, но я говорю, что вижу. Но меня он не был забыть не в силах никогда – ведь именно я увезла Милану подальше от него, я говорила правду о нем и благодаря мне она познакомилась с Павлом.

Я откинулась на спинку сидения и перевела дух. Но тяжесть в груди никуда не пропала.

– Ты и этого не знаешь, девочка моя.

Настал мой черед качать головой, молчать и отекало, как выразилась бы Вика или Катя.

– Он вспомнил меня и понял все. Я не преувеличиваю. Звонок адвоката подтвердил мои опасения.

– Кто такой этот Сергей Юрьевич? Откуда у него столько власти? Неужели нет того, кто может повлиять на него?

– Он генеральный прокурор – выдохнула Аделаида Георгиевна тихо, но было больше похоже на то, что ахнула – и ему подвластно всё.

Словно она только что в полной мере осознала всё.

– Но мы поборемся, Ида! Поборемся! Не будь я Спасской. Не стоит так скоро списывать меня со счетов.

Глава 8

Глава 8

– Приехали, – пробасил немногословный помощник Дима. – Аделаида Георгиевна, я помогу вам выйти?

Глядя на этого Диму, мне показалось, что все помощники были сделаны из одного теста. Они были крупными, с какими-то дефектами на лице и жутко не общительными при этом. У Димы не было шрама, но у него не работали мимические мышцы – его лицо не выражало ровным счетом ничего.

– Не надо, Дима, я сама, – выдохнула женщина, но свесив ножку за пределы автомобиля. – Просто я утомилась сегодня, столько всего навалилось и эта новость...

С того момента, как были произнесены слова об этом Сергее Юрьевиче, Аделаида Георгиевна больше не произнесла ни слова.

– Я ответила на часть твоих вопросов, Артемида? – спросила она, оглянувшись напоследок. – Дай мне отдохнуть, милая.

Дима помог бабушке выбраться, а меня оставил одну в стремительно холодеющий иномарке. Машина была другой, но цвет ее салона тоже оказался шоколадным, напомнив мне об утреннем знакомце, отозвавшись в душе теплым воспоминанием. Это был не он! Не на него напал папа. Но легче почему не стало.

– Не надо было идти туда, – прошептала я себе под нос. – Тогда бы ничего не случилось.

Несколько минут я сидела в авто и вспоминала события этого дня. Руки то сжимались в кулаки, то ослабевали. Я думала о своих слабостях и обидах. Надо было не поддаваться желанию увидеть Костю после случившегося на пустыре. Но поступок Лизки взял и поставил точку в моем решении.

– Артемида?

Я вздрогнула от молодого и неожиданно звонкого женского голоса. Голос Аделаиды был тих и ослабевал с каждой новой минутой, превращаясь в невнятное старушечье бормотание. Так что надо понимать почему я испугалась появлению молодой женщины, которая живо вошла в салон автомобиля.

– Оставил тебя и ничего не сказал? – спросила она, усевшись на место Аделаиды и захлопнула дверь, закутавшись в шаль и поежившись при этом.

– Вы моя бабушка? – спросила я, одновременно придя к выводу, что это семейство изредка, но все-таки отхлебывает от фляжки с эликсиром вечной молодости.

Незнакомка нахмурилась, но тут же опомнилась и даже потеряла место на переносице.

– Так плохо выгляжу? – спросила она озабоченно. – Это я не отошла от перелета.

Она выглядела молодо и свежо. Бежевый костюм из брюк, свитера и проглядывающей из-под него рубашки усиливал это впечатление.

– Холодно тут, – сказала блондинка со стянутыми в пучок светлыми волосами. – Ты не замерзла?

Она спохватилась, а я почему-то усмехнулась этому.

– Нет. Так кто вы?

– Я выходит, что твоя тетка. Я жена брата твоей мамы. Меня зовут Марина, кстати. А ты Артемида?

Я кивнула на повторившийся вопрос.

– Я пришла за тобой. Так и поняла, что Дима оставил тебя в машине. Давай я провожу тебя в дом?

Я вздохнула и кивнула еще раз. Выбирать провожатых я не могла и не хотела. Да и не имела я против Марины ничего. Но вдруг стало так тоскливо, что захотелось домой, на ста-

ренькую кухню с перекрашенными шкафчиками, и чтобы папа сидел напротив, ел и хвалил мою стряпню. Чтобы все было привычно, понятно и спокойно, а не так.

– Дима очень привязан к Аделаиде. Она помогла ему когда-то. Вытащила из тюрьмы... Как вытащила?

Марина вдруг задумалась и даже свела брови на переносице, словно это на самом деле имела большое значение.

– Не дала американцам арестовать его, – наконец определилась она и добавила шепотом. – Он остался и теперь ходит за ней хвостом.

Я шла за женщиной, разглядывая большой и ярко освещенный дом. Но буквально на глазах окна в нем гасли, уступая освещение уличным фонарям.

– Не обращай внимания на окна, – продолжала болтать моя тетка, видимо заметив мой взгляд. – Аделаида Георгиевна не любит, когда ночью светло, как днем.

Я поднялась по ступенькам и прошла в дом следом за Мариной, буквально тут же почувствовав себя чужой.

– Она заснуть не может.

Обстановка и запахи широкой прихожей сделали меня не маленькой, а как будто бы замарашкой-Золушкой в залах дворца. Или тем самым щенком-найденным, о котором размышляла, попав в клинику доктора Павлова.

– А я не уверена, что усну. Только не после джетлага. Она позвонила Андрею. А он попросил приехать меня. У него служба и он не может сорваться вот так просто. Хорошо, что для нас всегда держат места на рейсах, иначе тебе сидеть в машине пока...

Марина вдруг осеклась и остановилась, посмотрев на меня. Она медлила минуту, прежде чем ее плечи расслабились.

– Ты извини меня за то, что я так много болтаю.

Я дернула плечом. Мне не хотелось ничего кроме одного – вернуться на день назад и изменить всё. Жаль только, что это было участием героинь фэнтезийных романов.

– Я просто совсем не умею вести себя с детьми. У нас с Андрюшей нет детей, а я...

– Мне семнадцать, – перебила я, ощущая, что меня сваливается нечто вроде отупения. – Я не ребенок и даже не подросток.

Я не храбрилась и не вредничала. Просто до меня вдруг дошло, что так оно и есть. Еще год и мне будет восемнадцать. Я получу паспорт. Но только это будет книжка с гербами и фотографией, а по факту не изменится ничего. Ну смогу я голосовать и что? Я скорее всего и не пойду делать это, потому что по словам папы с нами или без нас все уже решено. Тогда почему бы не обозначить эту грань уже сейчас?

– Просто ты выглядишь такой испуганной – сказала женщина, заправив прядь за ухо. – Ты не беспокойся о вещах – с ними ничего не случится, и Дима принесет их позже.

Она вдруг всплеснула руками, подошла и обняла меня, окутав приятным ароматом неизвестного мне парфюма. Поступок был неожиданным. Я не успела отстраниться, только покачнулась, как Марина вновь заговорила и объяснила все.

– Читала, что это самый действенный способ успокоить кого-то и поддержать, – говорила женщина над моей головой. – И совсем неважно кто это сделает совершенно незнакомый человек или жутко близкий и родной.

Автор статьи был прав – мне действительно полегчало немного. Во всяком случае прошло это ощущение нереальности происходящего и невероятной тяжести на душе.

– Правда?

Я кивнула, прижатая лбом к мягкому джемперу. Чувство тревоги в ее объятиях не много ослабло.

– Ты может быть есть хочешь? Люся пирожков напекла с пшеном и брусникой.

Я не знала кто такая Люся. Но есть не хотелось от слова «вообще».

– Нет, – выдала я тихо, отлепившись от нее. – Покажите мне мою комнату, пожалуйста. Запнувшись, я посмотрела на нее с вопросом.

– Да. Я тебя вела в твою комнату. Она чудесная. Очень уютная. Но потом подумала... Ты точно не хочешь есть?

– Нет.

Я хотела полежать, желательно зарывшись под одеяло и сделала это буквально через несколько минут, когда осталась одна. Марина что-то сказала про вещи и про то, что принесет их мне, а через минуту я уже не воспринимала ничего. Может быть, прошло больше времени, а может и меньше, но едва оглядев погруженную в полумрак комнату, я рухнула на кровать, вздохнула запах чистого белья и забылась крепким сном.

– Ида, я принесла тебе чаю, – послышалось мне откуда-то издали знакомым звонким голосом, который повторил уже тише уносясь в даль. – Ида?..

Проснувшись от того, что даже во сне мне думала о том, что произошло и о том, как же там папа, я вдруг решила, что все это кошмар и только.

Но это был не он.

Я лежала в кровати в совершенно незнакомой комнате. Очень уютной и светлой с красивой хрустальной люстрой под потолком. Никогда не видела таких – дизайнер приглушил искрящееся великолепие деревянными бусами бежевого и белого цвета.

– Кто-то очень любит бежевый, – проговорила я, смяв такого же цвета одеяло, но с темно-серыми линиями рисунка по нему.

В ногах валялась куча подушек знакомой белой, бежевой, серой и неожиданно розовой расцветки. Словно кто-то в последний момент подумал и решил сделать комнату хоть немного девчачьей.

В следующую секунду очень громко закричал петух и не прояснил-не разогнал ничего. Я была в доме у незнакомой, но родной бабушки, а папа ночевал в тюрьме.

Мне опять стало страшно.

Он был не на работе в ночь. Ему нельзя было позвонить и спросить почему он задерживается и как у него дела. Теперь вообще никак.

– Она так долго спит, – раздалось громким шепотом из-за двери, но совершенно знакомым голосом Марины.

Кажется, что жена брата моей мамы не умела говорить тихо.

– Я беспокоюсь.

– Марина, перестань нагнетать. Это нормально. Девочка столько всего пережила за вчерашний день. Аделаида вон не встает...

– Но Аделаида не девушка, – продолжала гнуть свое Марина. – Я читала, что молодой организм лабильнее и быстрее приспосабливается к самым неожиданным условиям.

Тетка похоже читала всю ночь, восполняя пробелы в знаниях о не детях и не взрослых одновременно. Я скривила губы, сев на кровати, открыла рот, чтобы сказать, что проснулась или даже просто позвать беспокоящуюся тетку. Она несмотря на некую суетливость располагала меня к себе все больше и больше.

– Марина, ничего страшного не происходит, – как будто бы повторил некий мужчина. – Поверь мне.

У кого-то было очень много и мало терпения одновременно. Это чувствовалось по интонациям.

– Хорошо.

– Марина? – позвала я, распустив волосы и вновь собрав их в высокий хвост. – Я вас слышу и уже проснулась.

Я решила не делать вид, что ничего не слышала. В книгах пишут, что подслушивать чужие разговоры мерзко, но, признавшись, становится легче на душе.

– Вот видишь, – сказал мужчина за дверью, а потом открыл дверь и пропустил женщину перед собой. – Можно мне присоединиться к вам, Артемида?

Я кивнула, вновь ощутив себя пораженной в самое сердце. Я попала в другую Вселенную. Наверное, это была параллельная реальность. В ней спрашивали мое мнение и считались с ним. Тут у меня было личное пространство и были те, кто соблюдал его.

– Да, конечно, – ответила я и поправила рукав задравшийся рукав футболки.

Марина проскользнула в комнату и остановилась возле кровати с виноватым видом, а следом за ней прошел мужчина очень похожий на Чехова, но только без пенсне и современном прикиде. Зачесанные назад русые волосы, вытянутое лицо, высокий лоб, внимательный взгляд темных глаз, прямой нос и аккуратно подстриженные борода и усы. Вылитый Чехов!

– Как вы себя чувствуете, Артемида? – он повертелся на месте, нашел взглядом пух и придвинул его к кровати, зацепив кончиком туфли. – Вы позволите?

После моего кивка он присел рядом и скрестил руки на коленках.

– Хорошо, – не уверено произнесла я, решая, а стоит ли упоминать душевное состояние.

– А вы?..

В этот раз я решила не гадать и не строить предположений.

– Я Леонид Львович. Лечащий врач Аделаиды Георгиевны и всей семьи Спасских.

А еще потомок Чехова. Но об этом он предпочёл не говорить или же тщательно косил под этого персонажа.

– Взгляд ясный, пульс в норме, речь связная.

Он наградил меня сдержанной улыбкой, а потом бросил взгляд в сторону Марины. В нем читался укор и улыбка.

– Если тебя будет беспокоить что-то, Артемида, то я настоятельно прошу тебя обращаться ко мне и ни в коем случае не стесняться ничего. Договорились?

Я кивнула, а потом опомнившись сказала:

– Хорошо.

С этими кивками головы и покачиваниями подбородком недолго превратиться в китайского болвана.

– А теперь я с вашего позволения откланяюсь.

Я и Марина проводили его взглядами, а потом уставились друг на друга.

– Прости! – сказала женщина, помедлила немного и бросилась ко мне в ноги. – Я просто беспокоилась.

Не вымаливать прощение, разумеется, а просто устраиваясь среди подушек.

– Ты спала, как убитая и не реагировала ни на что, даже на крики нашего Карла.

– Кого?

– Петуха, которого завела Люся, – объяснила женщина, протянув и потрогав кончик убранных в хвост волос. – Планировала, что на суп, а он остался.

Марина умела выдавать очень много нужной и не нужной информации одновременно. С одной стороны мне, наверное, ник чему было знать все эти подробности, а с другой, мне придется остаться здесь на какое-то время и надо бы узнать быт этой семьи.

– Аделина обычно требует, чтобы его зарубили, ошипали и сварили, но только не сегодня. Случившееся выбило ее из колеи.

Это тоже произошло из-за меня. Она пообщалась со мной и узнала, что ее и всех, кто был так дорог ей, не было в моей жизни никогда. Некогда любимая внучка отреклась от всего, что было связано с ней.

– Марин, что там с папой? – перебила я поток сознания. – Адвокат звонил Аделине?

Марина вздохнула и даже выпрямилась. Хотя, осанка у нее и так была идеальной.

– Леонид попросил связаться с ним этим утром и пока оставить Аделаиду в покое. Я позвонила Андрею, и он сказал, что переведет звонки на себя.

Я покусала нижнюю губку, размышляя.

– Марина, я хотела бы поговорить с адвокатом и узнать обо всем.

– Но, – замялась эта красивая женщина.

– Он мой папа и я хочу знать, что происходит сейчас и не ждать, что скажет ваш Андрей.

читать Мой ребенок Тигра <https://litnet.com/shrt/lqdJ>

Глава 9

Глава 9

– Это, кстати, тебе, – сказала Марина, вручив мне коробку с черным прямоугольником из стекла, пластика и микросхем. – Больше тебе не придется просить его ни у кого.

– Я не могу принять это, – сказала я, смутившись жесту.

– А я не принимаю отказов, – сказала Марина и сделала такое смешное, сморщив губы, нос и надув щеки. – Позволь сделать что-то для тебя.

– Ну...

Принять подарок хотелось еще больше, чем просить ее дать мне вещь, чтобы в очередной раз поговорить с адвокатом и его помощницей Ириной.

– Пожааалуйста! – протянула Марина и сделала умильный вид, напомнивший мне котика из «Шрека».

У нее очень хорошо получалось это. Как и быть милой в целом. Мне кажется, что перед Мариным обаянием вкупе с внешностью не мог устоять никто.

– Спасибо, Марина.

– Я позволила себе выбрать номер и вставить карточку в аппарат. Так что можешь звонить уже сейчас.

– Хорошо, – промямлила я, не зная, что делать с непослушными губами, которые задрожали не то от слез, не то от улыбки. – Спасибо.

Подарок пленил, ведь я не могла мечтать о нем до самого дня рождения. Папа обещал, но я бы не обиделась, если бы обстоятельства изменились. Я мечтала не только поступить в ВУЗ, но и найти настоящую подработку. Выгул собак за работу не считался. А вот репетиторство очень даже как.

– Сейчас вернусь! – сказала она, сорвавшись с места.

Мои щеки алели, когда Марина оставила меня одну. Болтушка и красавица тетка поняла, что мне нужно дать время побыть одной, с подаренным день назад смартфоном.

«Все в порядке, Ида. Сейчас поветрие такое.»

Вчера она пыталась меня успокоить, а сегодня решила проблему по-своему.

«В Англии, например родители специально устанавливают родительский контроль и время, которым дети могут пользоваться смартфоном.»

Все так. Но только у тех детей он был, а у меня его не было от пяти слов «не можем позволить себе это».

– В семнадцать лет, – сказала я, глядя на засветившийся экран чудо-техники. – И даже не на день рождения.

Я пролистнула меню, нашла значок контактов, среди которых уже была она, Андрей, захворавшая бабушка и адвокат со своей милой помощницей Ириной.

– Тебе правда нравится? – спросила Марина, зацепившись за дверной косяк. – Дождись меня, я сейчас!

– Очень! – заверила я уже в который раз.

Марина просияла.

– Я рада.

Она ушла, но я не спешила набирать номер. Мне нужно было собраться с духом и с мыслями. Потому я отправилась умываться, перезаплела волосы и посмотрела в зеркало. Выглядела я и правда испуганно. Ничего не изменилось со вчерашнего и позавчерашнего дня.

– Все будет хорошо, – сказала я своему отражению. – Сейчас позвоню и он скажет, что все хорошо.

Но пока выходило так, что после смерти мамы становилось только хуже. Наверное, так должно было быть. Однако, все равно хотелось верить в ее последние слова, что все наладится и жизнь придет в норму. Три года назад я плакала, а потом стала часто-часто вспоминать ее. Потому что она всегда хотела этого – чтобы все было хорошо.

– Слушаю!

– Здравствуйте, Артем Максимович, – сказала я в трубку после того, как услышала в ней короткое и хлесткое слово. – Это Артемида Карамзина.

– Я узнал вас, Артемида, – ответил мужчина участливо. – Как вы?

Со мной все было более чем хорошо.

– Расскажите, как папа, пожалуйста, – попросила я вместо ответа.

За два дня не могло измениться ничего, каким бы классным ни был адвокат. Потому что папа напал ни на какого-то местного «царька», а на прокурора Московской области. Бабушка ошиблась в этом. Но облегченно выдохнула, прошептав, что у страха глаза велики. Она еще не поднималась с постели, но ей точно стало лучше, потому что я, проснувшись сегодня, слышала, как она бранит громкоголосого петуха.

– Мы ищем очевидцев произошедшего, но мне пока нечем обрадовать ни себя, ни вас. Время было позднее и как водится никто и ничего не знает. Слово прокурора весит больше, чем показания соседей, коллег и кого бы то ни было еще.

– Но вы виделись с ним? Что он сказал?

Я напряглась, ожидая услышать то, что все произошло из-за меня. Но адвокат сказал другое.

– Сказал, что был не в себе и цитирую «в голове все как помутилось».

Легче мне не стало. Отец выгораживал меня.

– Но ведь он ничего не сделал ему?

– Тут все очень сложно, Артемида, – замялся юрист. – Прокурор говорит о том, что у вашего отца был нож, Павел Сергеевич отрицает это и говорит, что пришел все выяснить на словах. Но как говорилось про слово прокурора...

Я не верила в то, что папа оказался настолько безумен.

– Когда он уходил он просто запер меня, – сказала я, постаравшись вспомнить все, что видела и слышала в тот вечер. – Он не брал нож.

– Я верю вам.

Я хотела объяснить юристу, что мои слова это не просто попытка выгородить родственника, а чистая правда.

– Понимаете у нас ящик туго открывается и это невозможно сделать без усилия. Шум стоит при этом, как будто двигаем не ящик, а целый шкаф.

Меня вдруг осенило.

– Но вы ведь проверили? Ваша помощница Ира была у нас на квартире и должна была посмотреть на месте ли ножи. Их всего четыре. Три для овощей и масла, а четвертый самый большой с зеленой ручкой и длинным лезвием для мяса.

Пока я говорила в трубке становилось то очень тихо, то вновь возобновлялось шуршание. Я поняла, что Артем Максимович отключал микрофон, потому что под конец он спросил:

– На месте?

Он разговаривал со своей помощницей. Я общалась накануне с девушкой, объясняя, где и какие вещи находятся, чтобы их можно было собрать в СИЗО.

– Они на месте, но пока это ничего не меняет.

– Как это? – удивилась я и даже покачала головой.

– Он мог найти нож – объяснил адвокат и тут же поспешил объяснить. – Поэтому мы обобщем все помойки этого района, чтобы убедиться в обратном.

– Но ведь у него не было возможности выбросить его! Вы сами говорили, что его практически тут же взяли под стражу.

Он продолжал говорить, объясняя, что это нужно сделать обязательно, потому что это две совершенно разные статьи и в одном случае можно отделать «легким испугом», а в другом загреметь на десять лет в места не столь отдаленные.

– Скажите: зачем он делает это?! – спросила я, не сдержавшись. – Зачем он врет?

Мне было ясно, что мой отец не таков, а еще то, что кто-то гадостит и отрывается за прошлое.

– Он не скажет нам, но то, что здесь присутствует личный мотив – то несомненно и это осложняет все. С ним не получится договориться или откупиться.

Я молчала и не понимала.

Нет.

Я осознавала все сказанное, но не могла понять мотивов взрослого и совершенно вменяемого человека. Ведь он мстит папе, хотя прошло столько лет! Этот Сергей Юрьевич сводит счеты за то, что мама осталась не с ним, а с папой. Хотя, как по мне винить ему надо самого себя. Это он пудрил мозги двум девушкам, встречаясь с ними одновременно и выбирая кто лучше. В конце концов даже женился на второй. Так почему сейчас он делает это?!

– Но мы работаем наравне с прокурорской свитой и поверь сделаем все, чтобы все обошлось малой кровью. Понимаешь, они не дадут нам прикоснуться к уликам, пока не проверят все самостоятельно.

– Значит они уже были у нас дома?

– Были, но все приборы и ножи на месте, – поспешил успокоить юрист. – Ида, мы работаем и сделаем все, чтобы ваш отец оказался на свободе.

Я и Марина читали, что значит малая кровь. Это была другая статья с меньшим сроком штрафом и даже принудительными работами.

– Ида, все будет хорошо, – сказала Марина, как только я положила трубку и отложила смартфон в сторону.

Я понимала, что ничего не решается за два дня и не в таких обстоятельствах, но все равно надеялась на это в лице лучшего адвоката страны.

– Это, кстати, тоже тебе.

Покраснев гуще, чем было накануне я посмотрела на коробку, что Марина положила на танкетку. Одного взгляда на нее хватало, чтобы понять, что то, что лежало в ней было жутко дорогим. Не для Марины. Но для меня точно. Поправка. Для нашей семьи.

– Марина...

– Ида, позволь мне сделать это для тебя?! Не обижайся...

Марина замялась, а я напряглась. Начало фразы уже говорило о том, что я должна обидеться. Так всегда происходило.

– Как вдруг появившаяся у меня взрослая дочь, которую мне очень хочется принарядить. Знаешь сколько нарядов я вижу? Много-много-много! Не все я могу примерить на себя. Будет смотреться глупо – я уже взрослая тетя, а с тобой... Ты как куколка!

Марина прошла по мне взглядом, заставив смутиться еще больше. Мне показалось, что я увидела в ее глазах какой-то жадный интерес и даже поежилась от увиденного.

– Понятно, – протянула я, поджала губы и развела руками.

Что ты можно было сказать еще?!

– Хочешь, оставь вещи здесь после, – продолжала говорить раздумывавшая женщина.

– Но позволь мне порадовать тебя и себя уже сейчас.

Я кивнула. Пусть Марина поиграет в большие куклы. Ведь именно так называется то, чем она занимается сейчас?

– Примерь, пожалуйста? – попросила она, подвинув коробку в мою сторону. – Это просто домашний костюм, и я очень надеюсь, что он понравится себе.

Одежда для дома была упакована так словно это было платье или дорогушая шляпка для обожаемой мной Кейт Мидлтон, которая вдруг засобиравалась в Аскот. Больше похожая на открытку визитка магазина, невесомая упаковочная бумага, а под ней белоснежный свитшот и брючки с высокой талией.

– Какая приятная ткань, – выдохнула я, вынув одну вещь за другой. – Какой он красивый!

– Надевай скорее, – поторопила меня женщина. – Не терпится увидеть, как он сидит на тебе.

Он сидел на мне хорошо, даже слишком. Под последним я имею в виду то, что одежда была не просто в пору и приятно стелилась по телу, а шла мне и сделала взрослее. Игра света? Цвета? Может это была какая-то особенная модель, но я перестала выглядеть, как «Ида, добро пожаловать в песочницу!»

– Как тебе? – спросила Марина, встав рядом со мной.

Я посмотрела на женственную Марину, а потом на себя и очень хорошо поняла, что она имела в виду, когда говорила, что на ней нечто подобное смотрелось иначе.

– Повертись! – скомандовала Марина, отступив в сторону.

Я подчинилась.

– Ты ходишь на танцы, да? – спросила женщина рядом.

– Это у нее от мамы – раздалось со стороны двери голосом бабушки. – Ее грацию отмечал сам Григорович Юрий Николаевич[1].

Я остановилась, а улыбка пропала с моего лица. Осознание происходящего вновь свалилось на меня.

– Великий человек, талант и невероятный мужчина, – добавила она, сделав шаг в нашу сторону.

– Не знала об этом.

Бабушка едва заметно кивнула, согласившись со мной. Опираясь на трость, Аделаида Григорьевна прошла к креслу «с ушами» и, повернувшись, к нам села в него с видом настоящей королевы – медленно, плавно и, как она сказала грациозно.

– Жаль, что Милана решила отречься от всего, что было связано с нашей семьей, – проговорила она, растянув губы в сдержанной улыбке. – У меня накопилось много вопросов к ней, но...

Бабушка отвернулась, а Марина ободряюще погладила меня по спине.

– Я надеюсь получить ответы от твоего отца, когда твой отец выйдет на свободу. Мне хочется понять, что, по их мнению, сделала не так я и все, кто так любил ее.

Я кивнула, застыв на месте и не зная, как вести себя под ее строгим взглядом, который вдруг потеплел от неожиданно теплой улыбки.

– Не пугайся, милая, я ни в чем не обвиняю тебя и очень надеюсь, что с тобой все будет иначе. У меня было время подумать и провести работу над ошибками.

[1] Руководитель балетной труппы Большого театра (1964-1995гг.)

Глава 10

Глава 10

– Ида! – зовет меня Люся, заставив отвлечься от смартфона. – Подойди ко мне, пожалуйста.

Люсю слышно во всем доме и даже если очень захочется, то не получится проигнорировать ее. Иначе, ополчится весь дом, устав слушать ее крики.

– Иду, – говорю я, поднимаясь и откладывая от себя новую игрушку.

Вдобавок, мне надоел смартфон. Раньше я мечтала о нем, а теперь у меня болит голова от установки приложений регистраций, подбора

– Ты любишь лазанью?

Я прохожу на просторную кухню и усаживаюсь за расположенный по середине кухонный стол-остров. До этого момента я избегала появляться в этой части дома. Люся при всей своей громкости страдала немногословностью, а еще умела очень шумно дышать, когда ей не нравилось что-то. Прямо как какой-нибудь бык. До сегодняшнего дня ей не нравилось мое присутствие в доме и предложения помочь совершенно не помогли изменить эту ситуацию.

– Не знаю, – я жму плечами, рассматривая горки самых разнообразных овощей и фруктов в сетках, корзинах и вазах. – Я не пробовала ни разу.

У нее уютно тут. Но в этом доме не принято проводить время на кухне. Чаи предпочитают пить и то в строго отведенное время. Что в принципе очень даже удобно – никакого кусочничанья и бесконечного мытья посуды.

– Решила сделать к сегодняшнему ужину, – проговорила высокая полная женщина с внушительным пучком волос на затылке. – Побаловать...

Потом она закричала, и я чуть было не свалилась со стула.

– Как не пробовала?! Как? Даже самую паршивую из богомерзкого «Тикси»?!

Я кивнула, вновь взобравшись на высокий табурет.

– Никогда, – клятвенно заверила я.

– Хорошо, – вдруг сказала Люся со всей серьезностью и даже с некой патетикой. – Я сделаю это.

В этот момент на кухню заглянула голова Леонид Львовича. Она обвела пространство кухни беглым взглядом, убедилась в том, что ничего не случилось и, также молча, исчезла в темноте коридора с коллекцией механических часов со всего мира.

– Я приготовлю классическую лазанью, а ты погуляй с Аделаидой Георгиевной, – сказала Люся и тоже прошла по своим владениям внимательным взглядом.

В нем так и читалось, что Люся вычленяет ингредиенты.

– Хорошо, но сначала вы ответите мне на один вопрос.

Я не повелась на этот спектакль. Люся была хорошей актрисой, но плохим сценаристом.

– Задавай.

Наверное, она подумала, что я обжор раз решила промотивировать таким способом. Стыдно признаться, но последнее время я и правда ела, как не в себя и не могла понять в чем причина этой аномалии. Но семейный врач семьи Спасских объяснил, что всему виной стресс, скорее всего подходящие даты менструального цикла (я на тех словах покраснела, как рак) или же, что организм стал восполнять витамины, которых ему раньше не хватало. Мне понравилась версия со стрессом, а вот про витамины не очень.

– Почему вы не хотите, чтобы я помогла вам на кухне?

Люся вздохнула, смяла, а потом расправила полотенце.

– Потому что я очень вредная и подозрительная тетка, Ида. Люблю, чтобы все было по моему, а потом проверяю и, если нахожу, что сделано было иначе, то очень сержусь. Оно тебе надо?

Ссориться с громкоголосой женщиной мне ужасно не хотелось.

– Мне просто скучно, – проговорила озадаченная я. – И я хотела немного подружиться с вами.

– Со мной нельзя подружиться, Артемида, таким способом. Я не люблю, когда мне мешают. Не делай этого. А еще когда спрашивают про завтрак, обед или ужин. Все будет в срок.

Я поняла. В этой семье все были дипломатами и по профессии (как бабушка и дядя), и по складу ума (как Марина и Леонид), а еще очень непростыми и интересными людьми при этом.

– А ты погуляй с Аделаидой Георгиевной, ей надо больше гулять, а не пропадать часами в библиотеке.

Я не видела в чтении совершенно ничего плохого. Но последнее время отказывала себе в этом из-за все той же прабабушки. Я бы с удовольствием посетила комнату с книгами, но не хотела наткнуться на нее, разговориться и разволновать ее.

– Я же пока вас не будет приберу там немного – пыль смахну, проветрю...

Я ушла, направившись в сторону библиотеки. С одной стороны я напряглась предстоящему, а с другой стороны обрадовалась этому заданию. С Аделаидой Георгиевной надо было начинать общаться и теперь мне стоило продемонстрировать то, что должно было быть у меня в крови – искусству хитрости и дипломатии.

Лизка бы сильно удивилась этому. Наверное, даже рот раскрыла бы, когда бы узнала, что моя мечта выросла не на пустом месте. Послы, консулы, дипломаты – вот какие должности занимали самые яркие представители семьи Спасских.

Я поправила футболку и занесла руку над дверью, за которой «пряталась» моя бабушка. Но так и не постучала. Она разговаривала по громкой связи, а я не сдержалась и вновь подслушала.

– Это надо сделать.

– Так займись этим, Андрей!

Я отдернула себя, вздохнула и вновь заслушалась.

– Все-таки это возмутительно! – проговорила бабушка в неслышимой мною раньше возмущенной манере. – Я взрослый человек, а вы со мной, как с ребенком!

– Мы любим и бережем тебя, ба.

Я постучала. Надо было искоренять в себе эту ужасную привычку самым активным образом.

– Кто там?! Войдите!

– Всего лишь я, а не Марк Антоний со своими товарищами, – неловко пошутила я, почти сознавшись в своем проступке. – Извините, я услышала часть вашего разговора.

Бабушка с черным тюрбаном на голове и яркой брошью по середине окинула меня оценивающим взглядом.

– Признайся, ты тоже участвовала в этом? – она потянулась к мундштуку, взяла его в руку, но зажигать не стала.

Она стала дирижировать им, а потом отбросила в сторону.

– Общалась с адвокатом и была в курсе всех дел?

– Да. Он ведь мой отец.

Аделаида Григорьевна отвернулась, видно, что пожевала губами, а потом обратила свой взор на меня.

– Все верно. Он твой отец. А они? Избегают меня. Один прикрывается своими ненаглядными травками и выжимками, а другая вдруг бросилась в шоппинг.

Бабушка прошла по мне взглядом.

– Но ее правда – тебе надо обновить гардероб, Артемида.

– У меня все есть, – возразила я, но в глубине души согласилась с ней.

Я отличалась от всех домочадцев в доме. Исключение составляли те дни, когда я ходила в подаренном Мариной костюме.

– Почему ты отказываешься, детка? Ты чувствуешь себя обязанной и должной в такие мгновения?

Я кивнула, а потом приблизилась к ней и села в соседнее кресло рядом с ней. Так она не могла рассматривать меня, а я бы перестала краснеть.

– Забудь об этой чепухе, Артемида, – деловито продолжила бабушка, поискала мундштук и взяла из вазочки новый. – Мы долго не общались с тобой.

Я знала, что она скажет мне, но несмотря на «серьезность» озвучиваемых доводов ничего не могла поделать с собой. Я жила с ними слишком мало, чтобы воспринимать их поступки как должное. Вдобавок ко всему меня беспокоила последующая реакция папы. Я еще не могла забыть его слов, что он бросил мне напоследок. Он обязательно решит, что я «продалась» семье, с которой он предпочел не иметь никаких дел почти два десятилетия.

– Марина играет в куклы и на то есть определенные причины.

Я была в курсе их, но предпочла промолчать, предлагая ей довести начатую мысль до конца. А еще не сдавать Марину, потому что мне показалось, что бабушка будет недовольна тем, что она откровенничает о таком.

– Но она делает это от чистого сердца. Уж поверь мне.

– А вы? Почему предлагаете это? Из-за чувства долга?

Ее ответ мог быть поводом для отказа. В конце концов я не обязана была соглашаться с кем бы то ни было, какими бы обоснованными не были суждения.

– Причин великое множество, начиная с того, что я совсем не участвовала в твоей жизни и не имела возможности повлиять на твой вкус, заканчивая тем, что ты обносила, девочка.

С Аделаидой Георгиевной было не просто – это факт. У бабушки была не только прямая осанка, но и взгляд на мир.

– Говорю так как есть, Артемида. Я уже в том возрасте, когда могу позволить себе это.

Что-то подсказывало мне, что бабушка лукавит и она была такой всегда. Иначе, почему родители сбежали от нее куда подальше?

– Приучай себя жить достойно с самого начала и лучше откажи себе в ириске на ночь, чем ходи в латаных вещах или не дай Бог тех, что с чужого плеча.

– А что плохого в жизни старых вещей?

– Ничего! – бабушка стала поднимать книги и журналы в поисках чего-то. – Кроме того, что пусть носят после тебя.

Я не поняла ее.

– Артемида, посмотри у себя зажигалку.

Вот что было вредной привычкой, а не возможность дать жизнь старым вещам.

– А почему вы просите меня, а не Леонида или Марину?

– Она не хочет с ними гулять – Люся повела меня к выходу. – Да и они с ней тоже.

Ее ответы удовлетворили меня и признаться честно заинтересовали. Я побаивалась бабушку, потому что не хотела ляпнуть еще что-то, а вот почему они вели себя так?

– Вот и выясни это, – сказала Люся, как будто подслушав мои мысли, а потом пояснила.

– У тебя на лице все написано.

– Я вообще-то пришла позвать вас погулять в сад, – я пошарила рукой по креслу, нащупала прямоугольник огнива, но не стала доставать его, а наоборот запихала поглубже. – А курить, как вы знаете вредно.

– Я всю жизнь курю и видишь до скольких лет прожила?

Хороший аргумент.

– А могли бы прожить еще дольше, – ответила я, а потом поднялась. – Пойдемте прогуляемся.

Бабушка задержала на мне тяжелый взгляд.

– Почему не ходишь гулять ты? – сказала она, кивнув чему-то своему. – Ладно я, по макушку закопанная в своих переводах.

Меня заинтересовала эта информация. На скольких языках говорит бабуля?

– Потому что не люблю делать этого в одиночестве, – ответила я, наблюдая за тем, как поднимается бабуля. – Раньше я гуляла с подругой, а теперь...

– В одиночестве нет ничего плохого, – ответила Аделаида, направившись к двери. – Но ты могла бы пригласить ее к нам. Я совершенно не против гостей, если только они не шумят, как эта ужасная птица.

Я повела губами, решая говорить ли бабушке о том, что произошло между мной и Лизой.

– Дима мог бы привезти ее к нам, – продолжала говорить она, опираясь на клюку.

– Не надо ее привозить, – возразила я, вырвавшись из мучительного придумывания более-менее сносной формулировки почему этого делать не стоит. – Мы поссорились.

Я перевела дух и именно в эту минуту решила, что с бабушкой буду также честна и пряма, как и она со мной.

– Будь мудрее – пойдешь на примирение первой.

– Нет. Только не теперь, когда папа в тюрьме.

Бабушка повернулась ко мне, вопросительно приподняв бровь.

– Если бы не она, то этого всего не случилось бы, – сказала я, как никогда четко осознав, что уже не смогу простить подругу.

Лизавета могла объясниться и извиниться, но только не теперь. Развязала ее длинный язык злоба или глупость отныне это не имело совершенно никакого значения.

– Вот даже как.

Аделаида Григорьевна поправила вязаный кардиган, а потом махнула палкой в сторону той самой крошечной беседки с видом на высоченные и острые пихты.

– Мой первый муж посадил их здесь, – сказала она, поглядев на деревья. – Он любил эту страну, наверное, даже больше, чем я, но перед посадкой этих кустов сказал, что в саду должно быть что-то, что будет напоминать ему о родине.

Она похлопала по месту рядом с собой.

– Присаживайся и расскажи мне эту историю. Признаться, я питаю к ним большую слабость.

Я присела на качели, подхватила плед и укрыла им свои ноги и бабушки. Картинка между нами покачнулась, подхватив порцию холодного ветра и аромат расположенных рядом кустов роз.

– Но прежде, чем ты сделаешь это – бабушка вздохнула и покрутила палку в руках. – Хочу поставить точку в нашем споре по поводу твоего гардероба.

Она все-таки вернулась к этой теме. Мне не удалось отвлечь ее.

– Твоей мамы нет в живых, и она уже теперь не сможет развить у тебя чувство вкуса и стиля. Еще год и ты станешь совсем взрослой. Будешь поступать в ВУЗ...

Аделаида бросила вопросительный взгляд, а мне отчего-то стало смешно. Я поспешно кивнула, не сдержав улыбки.

– Буду-буду! – заверила я, решив оставить уточнение куда именно на потом. – Обязательно!

Бабушка забросила палку в кусты, так и не найдя куда деть ее. Получилось у нее очень плохо, словно она только и делала, что играла в городки.

– Ты же не пойдешь в институт в этом? Или в каких-нибудь рваных джинсах? Надо заявить о себе и почему не начать делать это уже сейчас?!

Я кивнула, задумавшись над ее словами. Что-то было в них. Вдобавок мне понравилось, что она ничего не сказала ни про отца, ни про качество одежды, ни про общее финансовое состояние нашей семьи.

– Так, что не упускай момент, Артемида, а с Павлом я разберусь. Он теперь должен мне.

Все-таки бабушка больше нравилась мне, чем пугала. Было что-то в ее отношении к людям и к жизни, что несомненно притягивало меня, даже с поправкой на ее расчетливость.

– Начинай, Артемида. Расскажи, что стряслось у тебя с твоей подругой. Хочу понять почему ты считаешь, что это она...

– Если бы не она, – поправила я бабушку, скрестив руки на груди. – Ей нужно было держать язык за зубами, а мне иметь гордость и не ходить на тот пустырь, но тогда бы я не познакомилась с Николасом.

– С кем?

Кажется, что Аделаиду Григорьевну перестала волновать история с Лизой.

– Какое странное имя для наших реалий, – сказала она, отчего-то покраснев при этом.

– Но, извини, начинай, пожалуйста.

Глава 11

Глава 11

– Интересный ты человек, Ида, – выдала бабушка задумчиво, войдя в комнату. – Прав был этот твой Николас.

Она вошла в комнату, не постучав, но только потому, что я не потрудились закрыть дверь. До этого я старалась закрывать ее и вообще чувствовала себя скованно в новых «владениях». Последние дни стало лучше. Я стала воспринимать домашних, как своих.

– Он не мой, а свой собственный.

Я записала последние слова урока, отложила ручку, тщательно выровняв ее вдоль края тетради, и только потом повернулась к ней.

– Тем не менее. Он был прав.

Причина этих манипуляций была одна – я справлялась со своим смущением. Разговоры о Николасе повторялись с тревожащей меня частотой. Было в тех воспоминаниях что-то, что уже сейчас заставляло меня тосковать.

Вот только что? Ясно, что тот день, ситуация и разговоры больше не повторятся никогда. Но я думала, о чем бы я еще могла спросить его. А бабушку все никак не отпускала эта история и при любом удобном (и неудобном, как сказал Дэн) случае она старалась вернуться к ней и попросить рассказать о внешности Николаса, как он был одет, как говорил на французском, что за марка одежды у него была (я не помнила), был он левшой или правшой и т.д. и т.п.

– Надеюсь, ты пояснишь в чем заключается моя интересность, – сказала я, растянув губы в милой улыбке. – Без привязки к этому имени.

Надо отвести бабулю от мыслей о Николасе. Его поступок впечатлил ее, а вот поведение Кости заставило скривить губы и даже фыркнуть. Хотя, как по мне плюсов у него было вровень, что и у Николаса и даже больше.

– Надо говорить «исключительность» или «особенность», – вздохнула бабушка, присев в кресло рядом со столом, за которым размещалась я. – Нет такого слова, как «интересность».

– Есть, – возразила я не без удовольствия. – Точно знаю.

Бабушка улыбнулась, поправив челку в идеальной укладке белых, как снег волос с черными прядями между ними. Некая разновидность пикирования, несомненно, нравилась нам обоим.

– Хорошо, Артемида, – согласилась она, постучав тростью по полу. – Скажу иначе: обедняет твою речь и в такой связке делает ее просторечной.

Настал мой черед кивать и соглашаться с ней. Я прислушалась и приняла эту информацию к сведению. Я старалась впитать все, что видела, слышала и даже осязала пока находилась в этой семье.

– Почему ты считаешь меня удивительной?

Я нарывалась на комплименты. Их не просто было получить от Аделаиды Георгиевны. Пока я проигрывала маме, но только в том, что касалось чувства вкуса и каких-то знаний, которые легко можно было наверстать при должном внимании, усидчивости и общении с правильными людьми.

– Ты не желала, чтобы мы покупали тебе вещи, считая, что это неправильно и чувствуя себя обязанной нам.

– Все так.

Я и сейчас испытываю некий дискомфорт, говоря об этом. Вдобавок, Марина и бабушка усложнили ситуацию – они стали брать меня с собой по магазинам. Предложение купить что-то «онлайн» воспринималось ими в штыки. Они аргументировали это тем, что «вживую» каче-

ственнее и быстрее, а еще тем, что надо потихоньку показывать меня людям и учить вести себя в обществе.

– Но от уроков и знаний ты не отказываешься, – бабушка приподняла бровь, но в темных глазах ее мелькала искра улыбки. – Вещи можно вернуть, а вот знания – нет.

– Есть универсальный товар, посредством которого измеряется стоимость других товаров, – ответила я упрямо.

– Ты о деньгах?!

Я кивнула, улыбнувшись при этом.

– Какая гадкая пошлость, Ида! – сказала она, сузив веки. – Я не хочу слышать этого и говорить об этом больше никогда!

– Хорошо, не буду. Но ты сама начала этот разговор! И, узнав тебя немного, я понимаю, что это все не просто так.

Бабушка какое-то время не отвечала ничего, постукивала тростью и делала вид что обижается на меня. Но потом она повернулась и посмотрела на меня улыбающимся взглядом.

– Тебя не проведешь! Но все-таки.

Я вздохнула, взглянув на новенькие учебные пособия для сдачи TOEFL, IELTS и Cambridge English[1]. У меня еще заходило сердце при взгляде на них. В хорошем смысле этого слова.

– Через год мне исполнится восемнадцать и, чтобы не решил папа я не хочу терять связь с вами.

А еще заставлять краснеть за себя.

– Ты взрослеешь прямо на глазах, Артемиды, – проговорила бабушка и накрыла мою руку своей. – Знаешь, как говорят: сын за отца не в ответе.

Я кивнула, поджала губы, чтобы они не дрожали и... Настала моя очередь выражать мысли посредством мимических жестикюляций. Всё только бы не задуматься о том при каких обстоятельствах произошло это взросление.

Кажется, еще месяц назад я бы отдала все только бы вернуться в прошлое и изменить все, а теперь даже не знаю, а сделала ли это.

Не будь этой череды обидных, странных, невыносимых и ужасных обстоятельств, я бы никогда не узнала людей, которые всегда были частью моей семьи.

– Ты не должна страдать из-за возникшего недопонимания между мной и твоими родителями.

Папа несмотря на помощь бабушки, продолжал плохо относиться к ней, предостерегать меня не верить ей и обвинять в том, что она сломала жизнь всем нам. Говорил, что Аделаида Георгиевна была против их брака с мамой настолько, что не оставляла попыток разлучить их до самого последнего, то есть пока не свела маму в могилу.

Он не желал слушать мои замечания о том, что мама умерла от продолжительной болезни, а бабушка помогает ему, несмотря на свою злобность. Он начинал злиться и, думаю, что наличие адвоката не дало ему разораться на меня.

Когда я сказала об этом бабушке, то она разбушевалась и злилась еще несколько дней, а потом... Потом она позвонила адвокату, попросила добиться новой встречи, собралась и поехала к нему в тюрьму. Хотя, до этого отказывалась подъезжать к одноименному зданию.

Не знаю, что она сказала папе. Наверное, то же самое что и мне, но с выражениями покрепче.

«Я не одобряла ее выбор, предвидела ее судьбу, но я бы никогда не стала вредить своим детям, Ида! Никогда! Я желала им только добра! Кому бы я стала звонить? Как бы посмотрели на меня люди, если бы я стала рушить жизнь своего зятя? Внуки? Как он вообще представляет себе это? Я звоню в Минстрой и прошу... О, Боже мой, о чем?!»

Пап не перестал относиться к ней плохо, но прекратил говорить гадости в прежней очень уверенной и злой манере. Кажется, до него стало доходить что-то. Не бабушка разрушила его бизнес и лишила всего.

– Хочу предложить тебе посетить бал Королевы Шарлотты[2], – произнесла бабушка, наконец раскрыв смысл своих несколько замудренных изречений.

Меж тем я любила эту «игру». Она говорила о чем-то, а я искала это после в интернете, в библиотеке, спрашивая у Марины и у Леонида Львовича. Находила и испытывала нечто сродни восторгу. Потому что в такие моменты мир становился еще глубже, многограннее и интереснее.

Однако, сейчас, я нахмурилась. Этот вопрос был с подвохом и на него не стоило давать немедленного ответа. Это я уяснила после того, как согласилась постичь науку вкуса, отправившись в знаменитый «мол» столицы.

Что это за бал такой? Почему я никогда не слышала о нем?

– Нет, бабуль, какие балы, когда папа в тюрьме? – возразила я, через секунду. – Это как-то...

Бабушка тем временем ловким движением фокусника выудила словно из ниоткуда кремового цвета брошюру, а затем вручила ее мне.

– Не по-человечески и дурно, а еще рано – это ты хотела сказать? – закончила за меня Аделаида Георгиевна и, не дожидаясь ответа, продолжила. – Я приглашаю тебя на бал дебютанток только в следующем году, то есть тогда, когда твой отец уже будет на свободе.

Я очень надеялась на то, что папа будет с нами уже на Новый год. Но Артем Максимович объяснил, что этому не бывать. Дело отца неожиданно приобрело «политический» окрас. Адвокат, папа и прокурор пошли на «мировое» соглашение – его выпустят после нового года. Как только президент подпишет указ о назначении Сергея Юрьевича прокурором столицы.

«Ему совершенно не на руку отпускать его сейчас, – объяснял адвокат уже в который раз подряд. – Если он сделает это, то это станет достоянием общественности.»

Я не понимала и возражала. По моему мнению ничто не мешало случиться этому после освобождения.

«Ида, прокурор боится не твоего папу и даже не нас, а твою бабушку, – проговорила помощница адвоката Ирина. – Она попросила кое-кого помочь разобраться в этой ситуации и очень разозлилась, когда у них не получилось сделать это.»

Этот мир жил по каким-то своим законам. Бабушка пообещала, что не оставит это просто так и обязательно сделает так чтобы об этом узнали все. А отец... Он взял и согласился с неофициальным предложением пострадавшей стороны, и адвокат поддержал его в этом. Бабушка на чем свет ругала его, говоря, что он не стоит ни одной потраченной на него копейки.

– Тогда может стоит поговорить об этом поближе к балу?

– Нет, Ида, – возразила бабушка и глаза ее заблестели. – Заявки на участие подаются уже сейчас.

Я нахмурилась еще раз, взяла брошюру и пробежала по ее содержимому глазами. Изящно оформленный картон поведал о бале и прояснил, о чем так сильно переживает бабушка. Старейшее мероприятие мира проходил не где-нибудь, а в Лондоне, имело ряд обязательных требований и к ним стоило начать готовиться (или выполнять) уже сейчас.

– Соглашайся, Артемида, – сказала бабуля, улыбнувшись совершенно счастливой улыбкой. – Быть может это последний шанс повидать мир перед тем как ты с головой уйдешь в свои книжки.

Я покачала головой. Все-таки моя бабушка та еще интриганка и манипуляторша. Она не просто так сделала мне предложение уже сейчас. Аделаида Георгиевна «столбила» меня. Она совершенно точно знала, что ни я, ни мой отец не сможем отказать ей после того, как будет сделано полдела. Только не после покупки платья и туфель, не после репетиций, ее и моих блестящих глаз.

– Ба, скажи: зачем тебе это?

– Я всего лишь хочу порадовать свою внучку. Я вижу, что ты читаешь в минуты отдыха. Я, прости меня Бога ради, подглядела на кого ты подписана в этом инстаграм.

Мои брови взлетели в верх помимо воли. Кажется, я только что поняла от кого именно унаследовала привычку «подслушивать под дверь». Бабушка страдала одной из ее разновидностей.

– Хочу, чтобы ты увидела все своими глазами и уже сейчас стремилась к этой жизни. Потом ты поступишь, уйдешь с головой в учебу, станешь пропадать в университете и встретишься...

Она оборвала себя, а не успела разозлиться. Предложение ведь было не закончено и кто знает кого именно она имела в виду. Почему обязательно Костю?

– Я знаю, что такое МГИМО. Все-таки я когда-то училась и преподавала в его стенах.

[1] Международные экзамены по английскому языку.

[2] Бал королевы Шарлотты - ежегодный Британский бал дебютанток. Бал был основан в 1780 году Георгом III в честь дня рождения его жены Шарлотты Мекленбург-Стрелицкой, в честь которой назван бал.

Глава 12

Глава 12

Прошло чуть меньше, чем полгода. На дворе стоял декабрь. Снег шел едва ли не каждый день, не переставая. Он укрыл землю довольно плотным слоем, сделав совершенно сказочным пространство вокруг дома. Деревья и кусты, беседку и фигуры в саду оделись в белоснежные наряды, поменяли формы и так и просились быть увековеченными на миниатюре какой-нибудь открытки.

– Тебе надо пройтись, Ида, – сказала бабушка, нарушив тишину комнаты. – Ты перестала выходить из дома.

– Я хожу в школу, – ответила я, оглянувшись и улыбнувшись ей. – Хожу на физкультуру, баскетбол и танцы.

Мы оба понимали, что она имеет в виду. Я перестала гулять просто так, чтобы набрать в легкие воздух до самого головокружения. Этой осенью я не искала самые красивые и яркие листья, не разглядывала отражение неба в лужах, а с наступлением зимы не ловила лицом колючие снежинки и не топтала свежий снег на дальних дорожках. Вместо этого у меня появились другие увлекательные занятия, которые исключали мое нахождение на природе.

– Я не об этом. Пять минут до школы и еще столько же после нее?

– Мне надо заниматься.

Я была жутко занята в последние месяцы и ни в коем случае не жаловалась на это, но в такие минуты, как сейчас, когда смотрела в окно чуть дольше чем пару секунд и жутко скучала по старым добрым временам.

– Ты и так делаешь это, – ответила бабушка, заняв место в своем любимом кресле. – Постоянно.

Отвернувшись от окна, я прошла к кровати, на которой лежало несколько учебников по иностранным порядкам старшинства и старшинства в Соединенном Королевстве. Естественно, на английском языке. Я не переставала совершенствовать его, потому что понимала, что все еще недостаточно хороша в нем. Даже сейчас, я и бабушка общались друг с другом на языке Соединенного Королевства.

– Осталось меньше полугода и я должна успеть все.

Бабушка подкинула мне задачку, а я согласилась на чистую аферу. Мне предстояло подготовиться к мероприятию за год и освоить то, что другие участницы бала изучали по несколько лет. Вдобавок никто не отменял школу, подготовку к выпускным и вступительным экзаменам.

– Все будет хорошо, Артемида. Поверь, все будет куда проще, чем тебе кажется сейчас.

Я открыла рот, чтобы возразить ей и сказать, что меня пугает не сам бал, о котором я знала все, а предстоящее интервью. Цель которого состояла в том, чтобы понять достойна ли девушка участия на престижном мероприятии королевства или нет. Я не могла подвести бабушку. Только не после всего пройденного, выученного и... Не могла и все тут. Хотя, иной раз ловила себя на малодушном желании отказаться от всего.

– Пойду прогуляюсь, – сказала я вместо того, чтобы спорить и подошла к шкафу, вытащив из него зимние вещи.

Утепленные штаны и куртка наконец пригодились мне.

– Не обязательно бродить по участку. Можно съездить в Нескучный сад, погулять по городу или же отправиться на шопинг.

Штаны упали на кровать, закрыв собой учебники. Я подняла глаза на бабушку и выгнула бровь. Надеюсь, это получилось эффектно.

– Я выгляжу настолько замороченной?

Бабушка не любила молодежный сленг, но тут предпочла промолчать и осторожно кивнула. Но куда важнее было то, что она предлагала – выехать в город. Она не любила Москву из-за пробок, смога, грязи и абсолютных «хабалок», возомнивших себя... Словом, это другая история.

– Ты выглядишь прекрасно, но я чувствую себя виноватой за то, что ты делаешь с собой.

На минуточку я не делала ничего подобного. Этим занимались люди вокруг. Люся заботилась о полноценном и сбалансированном питании, Леонид Львович (за спиной Чехов) следил за всякого разного рода добавками, что я принимала по утрам и вечерам, бабушка учила премудростям этикета, Марина (последнее время приезжающая все реже) за гардеробом. Я же чувствовала себя обновленным компом, с которого сняли старое железо и навесили новое, как выражался одноклассник Борька Веслов.

– Ба, перестань, пожалуйста, – попросила я ее, ныряя за ширму. – Мне нравится то, что я делаю сейчас.

Это было так. Несмотря на проблемы с папой, загруженность и адаптацию в новой школе я чувствовала, что с каждым новым днем становлюсь как будто бы сильнее. Я поймала себя на этом ощущении пару дней тому назад.

– Правда?

– Тогда выполни одну мою просьбу, детка.

Я выглянула из-за перегородки.

– Ты попросила меня погулять, – сказала я, не понимая ее озабоченности. – Я одеваюсь и иду на улицу.

Бабушка постучала тростью об пол. Она выглядела расстроенной и смущенной одновременно. Пора было подозревать ее в чем-то. Но в чем именно?

– Ида, сегодня суббота, а на дворе зима и все готовятся к празднику. Вместо того, чтобы ждать выходных, гулять с друзьями и просить деньги на подарки, ты сидишь в комнате, зарывшись по голову в учебники и пособия. Занятие достойное гордости и всяческих похвал, но я хочу, чтобы у тебя было еще что-то.

Она хотела, чтобы у меня были друзья. Но желание легко было проговорить на словах и трудно осуществить на деле. Для дружбы же требовалось время чуть большее, чем несколько месяцев в новой компании. В школе и в танцевальном классе у меня появились хорошие знакомые, но у них уже были постоянные компании. Я вспоминала о Лизе, но ни она, ни я не пытались связаться друг с другом.

– Я погуляю и даже схожу в пиццерию – начал я бодро и под испытывающим взглядом продолжила – может быть загляну в ГУМ и полюбуюсь на новогодние базары.

Аделаида Георгиевна одобрительно кивает, а потом спохватывается.

– Если будешь в ГУМе, то может быть прикупишь кое-что для меня?

Я жду что бабушка вынет заготовленный список, но достает телефон и начинает набирать список там. Я согласно киваю, убираю в шкаф теплые вещи, вытягивая купленный осенью, но ни разу не выгулянный ансамбль. Усмехаюсь этой мысли – совсем недавно я и помыслить не могла о том, чтобы выбирать, а теперь я «играюсь» в конструктор образов в перерывах и у меня целая «армия» вещей для того или иного случая. Другое дело, что большая часть их висит без дела.

– Пойдешь в этом?

– Погуляю в другой раз, – говорю я, подхватывая вешалку, и убираю ее в шкаф. – Это ведь не последние выходные в этом году, правда?

– Артемида!

Я выглядываю из-за дверцы шкафа, стараясь не улыбнуться при этом. Моя бабушка самый настоящий диктатор и стремится контролировать все. При этом у нее характер и она не

терпит, когда ее науку обращают против нее. Но я ведь тоже из Спасских? А значит все это есть и во мне, пусть и наполовину.

– Ты совершенно невозможна!

– Я пойду гулять, как ты просишь, но на своих условиях.

В конце концов, я улыбаюсь, сидя в машине в компании немногословного Димы. Я одета так как хочу и еду туда куда мне пожелается. Еще, на сидении лежит сумочка, в которой среди прочих вещей покоится смартфон с самым настоящим списком от бабушки...

– Куда едем, Ида? – спрашивает водитель.

Я честно думала, что она придумала его, но в нем действительно необходимые вещи «без которых не может выйти в свет нормальная женщина», то есть любимые духи, платки и кое-что из гигиенических средств. А я до последней минуты считала, что это милый домашний спектакль из тех, что периодически устраивают все жители дома. Кроме «ботоксного» Димы, как называет его, посмеиваясь, Аделаида Георгиевна.

– На Воробьевы, – сказала я, а потом опомнилась и даже подпрыгнула на месте. – Нет-нет-нет!

Всегда хотела погулять по Москве своим ходом и почему бы не сделать этого сейчас, раз представилась такая возможность?

– И все?

– Да, – отвечаю я, стаскивая с себя навязанные бабушкой сапожки. – Дальше я сама.

Дима при всей своей толстокожести подчинился. Эта была его главная и самая замечательная черта. Он делал так как ему говорили – не больше и не меньше.

– Позвони мне, если что, – сказал он, высадив меня из авто, потом заглянул в салон и вроде как приподнял бровь.

Если так можно назвать это едва заметное движение в верхней части его лица.

– А что мне делать с обувью?

– Пусть пока полежат у тебя в салоне, – сказала я, а для пушей убедительности добавила волшебное слово. – Пожалуйста.

Но верный помощник бабушки вопреки прежним мыслям отчего-то не спешил соглашаться, сесть в машину и оставить меня на попечение огромного города, а также симпатичной кофейни с премилейшим названием «Воробьи».

– Ид, лучше бы ты сапоги надела, – протянул он, чем еще больше стал похож на теленка.

– Что?

От удивления мой голос сел.

– Смотри как тут сыро. Ноги станут мокрыми в миг. Простудишься, а мне потом отвечать.

Они все заботились обо мне, а Дима... Он был себе на уме и не забывал про целостность своей толстокожей шкуры.

– Дим, а если я ногу сломаю на таких-то каблучищах?

– Тогда все вопросы будут к тебе и к тому, кто их купил для тебя.

– Ну, Дим! Перестань!

Он не дал мне пройти, заблокировав собой возможность выйти. Я прищурила глаза, подозревая его в черт знает в чем, а именно в сговоре с вредной бабулей. С нее бы случилось написать указания на мой счет.

– Надевай, а кроссы можешь взять с собой.

Я плюхнулась обратно на сидение, ужасно разозлившись на водилу. Вот что он лезет не в свое дело? Почему взял и присоединился ко всем в опеке надо мной?

– Хорошо, – прошипела я, в одно движение избавившись от кроссачей. – Надену.

– Если тебя успокоит, то говорят на каблуках ноги выглядят длиннее и стройнее, – выдал, решив добить меня, этот ценитель прекрасного. – Не злись!

– Теперь всё? – спросила я, проигнорировав его последнюю фразу. Поздно он опомнился. Я уже.

Я встала, а Дима посторонился и наконец выпустил меня наружу. Я прошла несколько шагов, борясь с детским желанием обернуться и показать Диме язык, но сделав несколько размеренных вдохов, направилась прямо к кофейне. Лучшего способа для поднятия мигом испортившегося настроения, чем чашка какао с зефирками и коричной булочкой в придачу просто не существует.

Что за детский сад? Почему всех бабушка учит как вести себя, а своему дуболому не объяснила, что делать замечания на публике ну просто неприлично? В прохожих нет ничего страшного, но ведь рядом МГУ! Тут по определению должно быть много студентов, среди которых может затеряться Костя. Два престижных заведения может и соперничают друг с другом в рейтинге и количестве именитых выпускников, но студентам запретить дружить не могут.

– Добрый день, – поздоровался хостес стоило мне оказаться внутри. – Позвольте проводить вас за столик?

Он подошел ко мне и протянул вперед руку предлагая проследовать во внутрь.

– Добрый.

То, что я приняла за кофейню оказалось рестораном, что немного озадачило меня. Я ведь не планировала ходить по подобным заведениям. Но через пару секунд я успокоилась, решив не отступать от намеченного плана – какао с зефирками, булочка и ничего лишнего.

– Вы выбрали удачное время для того, чтобы заглянуть к нам, – произнес молодой человек, отодвигая кресло.

– В самом деле?

– Обычно в это время суток у нас не протолкнуться, – улыбнулся он, забирая у меня снятую шубку. – Но только не сегодня.

– Пришло время для выбора нарядов и подарков, – ответила я не менее вежливо и дружелюбно.

Он еще осведомился у меня можно ли принести меню или же следует подождать, потому что я жду кого-то.

– Одна, – я растянула губы в легкой улыбке. – Будьте добры меню от вашего бариста.

Я перевела дух и даже порадовалась тому, что в свое время не упрямилась и несмотря на все свои «страшно», «не хочу», «стесняюсь» все же выходила в «свет» в компании Марины и Аделаиды. Они кое-чему научили меня. Марина показала, как расположить к себе с первых минут знакомства и быть милой с обслуживающим персоналом, а бабушка тому, чтобы быть невозмутимой как бы страшно тебе ни было.

Но...

Было рано доставать смартфон и делать фотографии великолепного вида из панорамного окна.

– Артемида!

Зычный голос все никак не желающего уgomониться Димы заставил вздрогнуть, а его появление вызвало сиюминутное желание, если не спрятаться под стол, то встать и выбежать из ресторана прочь. А еще лучше в окно. А еще лучше овладеть какой-нибудь магией, перенестись на другой конец света или превратить Диму в жабу.

Вот что он позорит меня? Что стряслось на этот раз? Он сбегал за угол и прикупил перчатки, взамен тех, что я оставила дома?

Тем не менее я осталась на месте. Но мой взгляд по моим ощущениям должен был метать молнии. Потому что кое-кто уже оглянулся на меня. Нас.

– Ты ничего не забыла?

– Дим, я завязала шнурки, – ответила я очень милым голосом.

Таким милым что закислило в щеках.

– Карточка, – пробасил человек-гора, а потом протянул ее мне. – Ты не взяла ее.

Я посмотрела на свой смартфон следом за ним и поняла, что ему позвонила беспокоящаяся за все и вся родственница. Люблю ее. Но...

– Спасибо за заботу, – сказала я, забирая у него темный прямоугольник с серебряным логотипом. – Но у меня NFC на смартфоне и я могу расплатиться через него.

– Спасибо за заботу, – сказала я, забирая у него темный прямоугольник с серебряным логотипом. – Но у меня NFC на смартфоне и я могу расплатиться через него.

Дима кивнул, показал меня поднятый вверх палец, означавший «класс» и наконец оставил меня в покое. В недоумении. Смушении. С горящими щеками. И проклинающего все вокруг. Про себя. Исключительно про себя.

– Ну, бабуля, – протянула я, заставив себя улыбнуться и откинуться на спинку кресла.

Помедлив немного, я вытащила из сумочки смартфон, подумала немного и даже включила камеру, чтобы сделать несколько фотографий для отчетности. О заливке фоток в «инсту» я даже не помышляла – насмотрелась на девушек блогеров и поняла, что начну карьеру «блогера» только когда поступлю в институт. В присутствии бабушки я не могла позволить себе протирать собой помещение ресторана.

– Тебе не кажется, что он староват для тебя? – сказали рядом, остановившись рядом с моим столиком. – Мне определенно.

Голос мужчины заставил мое сердце ёкнуть, а вот смысл фразы задохнуться от возмущения.

Глава 13

Глава 13

– Так что скажешь, Ида? – продолжил говорить Костя, отодвинув стул и сев за стол напротив меня. – И не надо так смотреть на меня.

Я удивлена, что встретила его здесь несмотря на то, что в тайне мечтала об этом. Но «фарс» не продолжается слишком долго.

– Ты бы видела себя сейчас, – говорит Костя, хохоча при этом. – Это была шутка! Понимаешь?!

Я смотрю на веселящегося парня, который так похож и не похож на себя прежнего. Он похож на богатенького мальчика мажора, образ которого так популярен в сериалах. Модная стрижка, проколотое ухо, рубашка в облик и распахнута на груди. На шее и запястьях шелестят разнообразные цепочки и браслеты. Совсем не похож на того мальчишку, что приезжал к нам в город каждое лето.

– Вид такой словно ты приведение увидела. Это же я! Костя! Помнишь меня?!

Моя бровь выгибается, словно и не принадлежит мне вовсе.

– Я узнала тебя, – отвечаю я, повертев смартфон между пальцев. – Просто думаю, как сказать тебе помягче, что шутка вышла не очень.

Мои брови приходят на место, но напоследок выдают еще один финт, сыграв на лице какую-то непонятную абракадабру.

– Ой! Все-таки получилось.

Что бы ни говорил Костя, но это я не узнаю себя. Раньше бы я просто глупо улыбалась и пропускала все мимо ушей, а тут вижу себя как будто со стороны и ничего не могу поделать со своей реакцией.

– Да, ладно тебе! – продолжает Костик, растягивая губы в ленивой и совершенно сногшибательной улыбке. – Шутка в тему.

Что-то больно укалывает меня. Наверное, так бьются очки с розовыми стеклами и разлетаются во все стороны. Потому что я представляла встречу с Костей совершенно иным свете. Какой? Романтичной. Очаровательной. Но уж никак не пошлой с двусмысленными намеками.

– Ты так изменилась с нашей последней встречи, – говорит Костя, проводя по волосам с зачесанной назад челкой. – Так что ты делаешь здесь?

Он проходится по мне оценивающим взглядом. От него становится неуютно и неловко, а еще холодно где-то в глубине души.

– Ты тоже, – отвечаю я, подняв глаза к приближающемуся официанту. – Я могу попросить тебя о небольшом одолжении?

– Конечно! – откликается Костя как будто не замечая моей реакции. – Угостить тебя кофе? Сфоткать? Отвезти куда-нибудь? Твой я вижу бросил тебя одну.

Я качаю головой и, прежде чем официант передает мне меню и ставит графин с водой на стол, сообщаю ему:

– Ты не мог бы отсечь от меня, пожалуйста?

Не могу сказать, что я возликовала после этих слов. Я просто порадовалась принесенной книге с блюдами, раскрыла ее и пробежалась взглядом по названиям напитков.

Сахар, специи, мед, молоко и сливки... Я смотрела на состав и даже читала название ингредиентов, но понимала, что совершенно не понимаю зачем это. Что говорить про то, что ни одно из них не вызвало гастрономического интереса.

О том, что я хотела какао я даже и не вспомнила.

В голове не отвязно крутилась мысль о том, как я выгляжу сейчас. Ведь в каждой шутке лишь доля шутки, а все остальное было правда. Но только бабушка мне бы обязательно сказала,

если бы я выглядела как дрянь. Наш негласный договор о том, что мы говорим все друг другу прямо и без утайки не перестал существовать за эти месяцы. Он работал по действительно серьезным вещам, тогда как в отношении других менее важных тем мы могли играть друг с другом.

– Что?

Я очень надеялась, что когда захлопну книгу, то Костя исчезнет словно джинн из восточной сказки. Нет, словно морок из суровых северных легенд. Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.